

Татьяна Борисовна Булах-Извекова

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

КНИГА 3

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Санкт-Петербург
2009

УДК 882.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Т.Б. Булах–Извекова. Возвращение.– СПб., НП «Стратегия будущего», 2009. 112 с.

ISBN 979-5-903247-15-6

Третья книга воспоминаний Татьяны Борисовны Булах, в которой она продолжает рассказ о своей непростой, наполненной интересными событиями и встречами жизни.

ISBN 979-5-903247-15-6

© Т.Б. Булах-Извекова, 2009

© А.Б. Булах – художественное оформление., 2009

Часть третья

продолжение

** Глава 1.

И второй «Рубикон» позади. Насколько такой период жизни тяжёл, каждый знает.

Было много сочувствующего народа, много телеграмм. На девятый день, захоронив в сорокоградусный мороз урну с прахом, мы сидели втроём (Катя, Андрей и я) на кухне.

Говорили об отце. Запомнились слова Андрея: «Мама, мы с Катей у вас с папой всегда были на втором плане». «Да, Андрюша, правильно ты говоришь. Мы с папой любили друг друга, мы были главными друг для друга, а вы с Катей были результатом нашей любви», – ответила я.

На зимние студенческие каникулы с 1-го февраля у нас заранее были забронированы вместе с Ляпиными путёвки в «Дом творчества писателей» в Комарово. Теперь в большом номере «люкс» я была одна, без Бориса. Чтобы отвлечь себя от мрачных мыслей, я взяла с собой задачник по теории вероятностей. И вот однажды, когда мне было невмоготу, я схватила задачник, и из него вдруг выпал листок, переписанный рукой

Бориса:

Рубаи

«Веселись! Невесёлые сходят с ума,
Светит вечными звёздами
вечная тьма.
Как привыкнуть к тому,
что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома!»

Гияс ад-дин Абу-л-Фатха
Омар Хайяма Нишапури.
1048 – 1131. род. в
Нишапуре.
писал на фарси.

Рубаи

«Веселись! Невесёлые сходят с ума.
Светит вечными звёздами
вечная тьма.
Как привыкнуть к тому,
что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома!»

Гияс ад-дин Абу-л-Фатха
Омар Хайяма Нишапури
1048-1131, род. в Нишапуре.
Писал на фарси.

Это было послание мне как будто от самого Бориса «с того света». Удивительно, но оно мне помогало справляться с собой.

По возвращению домой спасает работа и поездки на Охту в Катину семью. Моя кафедра проявила много такта и тонкого понимания моего горя. Не было словесных сочувствий, от которых бы я разрыдалась, кто-то молча сунет в карман конфету, многих с моей кафедры я заметила на похоронах.

Тяжелая морозная зима медленно проходила. Постепенно притуплялась душевная боль. Этому способствовала полная нагрузка на работе и то, что у меня появилось больше времени для моих внуков. Васенька шел 4-ый год. Это был совершенно очаровательный ребёнок, умный, весёлый, смелый, очень контактный. Поскольку инициатором написания моей повести был Вася, и повесть в первую очередь написана для моих внуков, хочу напечатать словарный запас первых Васенькиных слов :

«Пасипанс» – велосипед. «Инк» – нет. «Мафм» – маленький. «Балю» – большой. «Брум-брум» – машина. «Дудука» – поезд. «Лядуга» – ряженка. «Лока» – ложка. «Лямбу» – на ручки.

«Вава» – яблоко. «Малийка» – малина.

«Асо малийка балу и мафм» – ещё малинки большой и маленькой.

«Тата инк, Боя да!» – Тату не люблю, Борю люблю! «Гуа» – другой, голубой. «Гик» – мячик. «Коха» – каша. «Дида» – Антоша.

«Ика» – Нева. «На-плювать» – наплевать.

Антоша старше Васи на 8 лет, он сильно вытянулся, играет в футбол и очень привязан к младшему брату. Я теперь могу немного помочь Кате, у меня стало больше свободного времени.

Летом я забрала детей и на месте (при помощи старых знакомых), приобрела путёвки в тот самый пансионат

«Кабардинка», в котором мы с Борисом и наши дети так счастливо проводили время. Мы провели там срок – 21 день, а на второй срок переехали в другой пансионат на мыс, в двадцати километрах от первого. Здесь нам не повезло, заболел серьёзно Антоша, подозревался брюшной тиф. Мне больших усилий потребовалось, чтобы его не увезли в Геленджик, в больницу. У нас была большая отдельная комната, в которой лежал больной Антоша, мы с Васей ходили в столовую и приносили Антоше еду. Вообще этот пансионат был очень неудобным, к морю надо было спустаться и потом по солнцепёку подниматься. Никакой растительности не было, не то что в нашей «Кабардинке». Всё-таки мне удалось Антошу отстоять, в противном случае я бы не знала, что мне делать! Потихоньку Антошка стал поправляться, а к концу срока нашего пребывания приехали на машине Володя с Катей и мы опять переехали поближе к «Кабардинке», сняв маленький чуланчик для нас с Васенькой, а родители с Антошей устроились в мотеле. Питались мы в столовой пансионата, а море было здесь рядом. К сентябрю возвращаемся в Ленинград. В Художественной

школе Антоше было дано задание на лето (нарисовать 14 рисунков), задание он выполнил.

После отдыха наступила рабочая пора для всех, в том числе и для Васеньки, он пошел в детский садик.

У меня на работе оказалась нагрузка на первом курсе, а первый курс, как известно, проводит сентябрь в поле на сельскохозяйственных работах. Поэтому у меня почти весь сентябрь получился свободным, и так как дома мне было тошно, я напросилась на пару недель к Фёдоровым в Севастополь.

Это не просто (Севастополь – закрытый город), но Серёжа мне выхлопотал пропуск и я туда поехала. Вряд-ли я доставила радость друзьям своим приездом...

Настроение у меня было такое: заплыть далеко и не вернуться..., но сознание того, что мой поступок доставит большие неприятности моим друзьям, тут же заставляло меня думать о чём-нибудь другом. Там, в Севастополе случилось со мной нечто необычное. Я видела Бориса. Это был сон и не сон. Это было под утро, я спала у Фёдоровых в проходной комнате.

И вот как будто я сижу, и вдруг передо мной появляется Борис. Чтобы я узнала, что это он, он облекается то в синий, то в свой серебристо-серый костюмы. А краски – акварельные, похожие на те, которые были на переводных картинках в детстве. Он всего в трёх шагах от меня.

Я говорю ему: «Борис, как же так? Ты здесь и не с нами!»

Он отвечает мне: «Я не с вами, но я...», подходит ко мне справа, потом переходит налево от меня; я хватаю его руку, а она...

«вытекает» из моих рук... В это время Серёжа проходит через комнату, в которой я нахожусь, я его спрашиваю: «Серёжа, я громко говорю, я разбудила?» «Нет, я ничего не слышал» –

отвечает он. У меня же сложенные на груди руки горят огнём... Вот такое со мной было.

Потом в журнале «Новый Мир», № 6 (июнь), 1987г. я прочла воспоминания Н.Вильмонта, историка культуры, литературоведа, переводчика и друга поэта и писателя Бориса Пастернака.

После смерти Б.Л. Пастернака, он описал свои переживания очень похожие на мои. Я приведу выдержку из его публикации:

«Часто вижу его во сне. Как всегда, ему радуюсь, хоть и не верю в реальность его прихода, помня и сквозь сон, что он умер. И всё же он в двух шагах от меня и сразу же начинает говорить, ничем не обнаруживая своей непричастности к нашей земной жизни...

Я порываюсь его обнять, но он глядит на меня с насмешливо-отчуждённой улыбкой:

«Не старайтесь Коля! Этого еще никому не удавалось».

С холодящим ужасом я понимаю, что он имеет в виду, и всё же пытаюсь к нему прикоснуться. Его черный пиджак в чуть более светлую клеточку вполне осязаем. Но сам он весь как-то оседает, теряет равновесие и... вдруг его нет. Уверюсь, что и это только сон, я просыпаюсь, как от резкого толчка. Меня мучит отчётливость сновидения и изнурительная устойчивость ночных обманчивых грёз». Вот такие видения, оказывается, бывают в жизни.

Вскоре я возвратилась домой, мои студенты вернулись с полевых работ и учебный год начался.

Как-то, проходя по институтскому коридору мимо профкома, я увидела объявление о наличии в профкоме путёвок. Это были путёвки в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Югославию и т.д., но среди прочих была одна путёвка по Северо-Западной Европе

(в резерве). «Вот её то мне и надо!» – подумала я и подала в профком заявление.

Каково же было всеобщее удивление, когда эту единственную путёвку я получила! Сейчас я думаю, что меня просто пожалели, зная какую утрату я понесла. Но для получения путёвки в то время надо было проходить парткомы – институтский и районный.

Чтобы на парткомах позорно не провалиться, надо было быть хорошо подкованным в политике, надо было знать, какой строй в каждом государстве, кто у «кормила власти» и как эти посты называются. Для меня это был «темный лес». Сколько меня мой Андрей ни учил запоминать все посты и фамилии, всё было безнадежно, но когда я пришла на институтский партком, то мне задан был всего один вопрос: «Сколько лет Вы работаете в нашем институте?»

Я ответила: «23 года». Этого было достаточно, вопросов больше не было. В районном парткоме меня особенно не терзали, так что путёвка осталась за мной. Срок путёвки по Северо-Западной Европе был с 11-го по 30 ноября.

Прошел учебный год, прошло следующее лето (мы с Васей опять провели его в «Кабардинке», Вася научился плавать. Антоша с нами не поехал, у него была практика в Художественной школе).

Настал 1988-1989 учебный год и на работе меня подменяют, чтобы дать мне возможность воспользоваться редкой путёвкой.

И вот 11-ого ноября я с группой в 40 человек вылетела сначала в Москву, а на другой день через всю Западную Европу в Лисабон.

В Лисабоне, столице Португалии, нас перевезли через весь город к Атлантическому океану, где погрузили на великолепный лайнер «Азербайджан», на котором нам предстоит пройти Бискайский залив, Ла-Манш, Па-де-Кале, Северное и Балтийское моря.

Я оказалась в одной каюте с Кирой Сергеевной Миротворцевой, знакомой мне ещё по Саратову. Это же надо! Перелететь через всю

Европу, чтобы оказаться со знакомым человеком в двухместной каюте. Фантастика!

Теперь наше основное место пребывания – наш теплоход, здесь мы ночуем, здесь мы питаемся. В Лисабоне мы пробыли три дня, осмотрели город, его окрестности. Посетили музей карет, который был расположен в одном из помещений бывшего королевского дворца, монумент мореплавателям – Белемскую башню, монастырь Жеронимоса (св. Иеронима). В этом монастыре находится надгробие Васко да Гамы, открывшего путь по морю в Индию, поэта Камозанса, королей. На следующий день нас повезли по Атлантическому побережью, конечная цель поездки – дворец Синтра, в 30 км от Лисабона. Прощаясь с Лисабоном, мы медленно проплыли мимо фигуры Христа, стоящего на высоком постаменте с распротёртыми руками над Лисабоном – копия скульптуры, стоящей в Рио-де-Жанейро.

Когда мы вылетали из Москвы, шел снег, а когда мы прилетели через несколько часов в Лисабон, там люди купались в океане!

Через три дня мы поплыли вдоль берегов Франции по Бискайскому заливу до Гавра. Два дня стояла хорошая погода, на третий день заштормило, была бортовая качка, что было весьма неприятно.

В Гавре нас ждали комфортабельные автобусы, до Парижа оставалось 300 км. По дороге был Руан, известный тем, что там сожгли Жанну д'Арк. Нам удалось осмотреть великолепный Руанский готический собор, и мы автобусом поехали к Парижу, сделав остановку в Версале. В Версале мы осмотрели знаменитый дворец - прототип нашего Петергофа, перед которым возвышается памятник Людовику XIV, прошли анфиладами дворца, где много скульптур, картин, лепки, позолоты. Особенно впечатляет зал с

множеством хрустальных люстр, из окон которого открывается изумительный вид на осенний, освещенный солнцем парк. Вернулись к автобусам и помчались в Париж, где мы прожили три дня в маленьком отеле поблизости от Монмартра. Но до того как нас подвезли к 11 часам вечера к гостинице «Гамильтон», при въезде в Париж мы совершили автобусную экскурсию по вечернему Парижу. Мы проехали мимо Булонского леса, Триумфальной арки, мимо «Большого» и «Малого» дворцов через мост Александра III к Дому инвалидов. Потом мы посетим этот шедевр французского зодчества, построенного в 1706-ом году.

Его купол, один из красивейших в мировой архитектуре, возносится на высоту 105 метров. Внутри, в центре зала, на несколько метров ниже уровня пола установлен саркофаг, сделанный из цельного гранита. Здесь погребён Наполеон. Рядом с Домом инвалидов расположен музей Огюста Родена.

Наша гостиница «Гамильтон» на улице Лафайет. Это рядом с площадью Оперы. В первый вечер, после ужина, нас повезли, чтобы показать ночной Париж. Подвезли к Эйфелевой башне на Марсово поле. С обзорной площадки открывался великолепный вид на светящуюся на фоне тёмного ночного неба трехсотметровую башню. На переднем плане в небо били множество подсвеченных водяных струй мощных фонтанов. Затем мы через мост над Сеной проехали мимо Лувра на площадь Конкорд, то есть Согласия, к Луксорскому обелиску и потом по Вандомской площади к площади Бастилии, и наконец автобус остановился возле нашей гостиницы. Я всю жизнь до этого момента мечтала побывать во Франции, и вот, наконец, мечта моя осуществилась.

Мы, конечно, не пошли спать, а решили вчетвером побродить по Парижу. Мы направились к Монмартровскому холму, на котором

высилась, подсвеченная прожекторами, белая церковь Святого Сердца – Сакре-Кёр. Силы наши иссякли, и мы вернулись в гостиницу.

Программа второго дня пребывания в Париже была очень насыщенной. Мы были в Лувре, в соборе Notre Dame de Paris, в церкви Sacre Coeur на Монмартре, на Эйфелевой башне, на кладбище Пер-Лашез. Много раз нас возили по самому Парижу вдоль и поперёк. В последний день нас повезли в предместье Парижа, в городок Sant-Genevieve de Voi, известный тем, что там находится знаменитое русское кладбище. Если бы мы знали куда нас везут, мы, конечно, попросили бы дать нам время походить по этому кладбищу. Ведь там захоронены: писатель Иван Бунин, режиссёр Андрей Тарковский, поэт Галич, художник Коровин, писатель Некрасов, поэты Мережковский и Зинаида Гиппиус, знаменитый балетмейстер Рудольф Нуриев и многие другие известные в России люди. Нас же везли в ресторан на встречу с обществом «Франция – СССР» и этот ресторан находился всего в 60-ти моих шагах от этого кладбища, я в этом убедилась сама, когда через два года судьба меня забросила в эти места.

Зал ресторана выглядел так: в середине зала круглая площадка для танцев. От этой круглой площадки вдоль в радиальных направлениях расставлены столы, за которыми по пять человек с каждой стороны сидели приглашенные. В нашем случае было восемь столов и за каждым из них сидело пять русских с одной стороны и по пять французов с другой стороны.

Таким образом было удобно общаться русским с французами, поскольку они располагались напротив друг друга. Напротив меня сидела приятная женщина моего возраста. Мы познакомились, разговорились, насколько это было возможно с моим знанием

французского языка. Оказалось, что у нас похожие судьбы: мы ровесницы, у неё трое детей, у меня двое, у меня муж умер, от неё муж ушел к другой женщине (кстати, её муж – действующий мэр этого городка, и он тоже был здесь с новой женой).

В те годы очень мало обменивали валюты при поездках за границу, а хотелось что-то привезти домой. У меня была с собой взята баночка икры на продажу. Я сказала: «Pierette, allons a la toilette». (Пьеретта, пойдём в туалет). Там я ей сказала: «Je n'ai pas d'argent, mai j ai caviar» (у меня нет денег, но у меня есть икра). Пьеретта мне ответила: «Je n'ai pas d'argent, j ai seulement une mouchoire» (у меня нет денег, только носовой платок). Она взяла икру и быстренько её кому-то «спустила», у меня появились какие-то деньги.

Так как за моим столом никто из русских французского языка не знал, то все пять человек, сидящие напротив разговаривали только со мной, соответственно сувениры от них получила только я, это получилось не очень то удобно. Из Парижа мы вернулись в Гавр, сели на свой теплоход и поплыли дальше.

**** Глава 2.**

Следующая страна была Голландия. Мы высадились в Амстердаме. В Амстердаме посетили Рейксмузей и музей Ван Гога. Была прогулка на катерах по каналам Амстердама, была обзорная экскурсия по городу. Мы видели церковь Вестеркерк, где был похоронен великий голландец Рембрандт ван Рейн. Около церкви стоял памятник девочке-жертве фашизма Анне Франк. Затем нам дано было свободное время и мы ознакомились с кварталами «Розовых слонов», местом индустрии проституции.

Перед отплытием в Германию нас отвезли в г. Заандам, где мы посетили домик Петра I и видели интересный памятник ему. Посетили сыроварню в деревне Фолендам и музей мельниц под открытым небом.

На одиннадцатый день путешествия теплоход подошел к Гамбургу. В Германии, мы пробыли три дня. Была экскурсия по Гамбургу, осмотр достопримечательностей города (ратушная площадь, телебашня, Михаэльскирхе, музей Э. Тельмана).

В остальные два дня ездили в Любек и Бремен – старинные Ганзейские торговые города. В Бремене видели памятник «Бременским музыкантам» и запоминающуюся стацию Роланда, установленную в 1404 году.

В Любеке на городских воротах было написано: «Согласие внутри – снаружи мир». В Любеке находится дом отца и деда Томаса Манна. За свой роман «Дом Будденброков» Томас Манн в 1929 г. получил Нобелевскую премию. Город Любек в XIX веке называли «Королевой Ганзы». Это старейший ганзейский порт на Балтике, основан в 1143 году.

Следующей страной была Дания, её столица Копенгаген. Визитная карточка Дании – бронзовая статуя, сидящей на камне девушки с рыбьим хвостом, русалочки из сказки Андерсена. Очень интересен музей скульптора Торвальдсена. Запомнился художественный музей: картины Рембрандта, Рубенса, Матисса, Модильяни. Побывали у королевского дворца Амалиенборг.

На Дворцовой площади играл оркестр, мы наблюдали приезд во дворец королевы-бабушки. Маршировали королевские гвардейцы, высокие, статные, в необычных головных уборах из медвежьего меха. Посмотрели смену караула.

Последняя страна была Швеция. Стокгольм стоит на 14 островах. В 1923г. построена новая ратуша архитектором Эрстбергом. В «Голубом зале» ратуши вручаются Нобелевские премии. В числе лауреатов Нобелевской премии немало наших соотечественников: Бунин, Ландау, Пастернак, Шолохов, Сахаров, Бродский, Солженицын. Были в Национальном музее (запоминающиеся художники Ларсен и Лундгрэн).

Очень интересен музей под открытым небом скульптора Карла Миллеса. Ещё был музей «Васа» – музей корабля, построенного в 1628 году. Он затонул, дав салют в первый раз, погибло 400 человек. «Васа» пролежал на дне гавани 330 лет. Весной 1961г. был поднят.

Закончилось наше восемнадцатидневное путешествие по Европе, мы возвращаемся домой. По пути из Стокгольма в Ригу была сильная качка. Из Риги поездом вернулись в Ленинград, и из сказки я опустилась в реальную жизнь, хотя и не без удовольствия.

Всегда приятно после дальних странствий возвратиться в свою обитель.

Я была настолько переполнена впечатлениями, что я как-то переродилась, откуда-то вернулся оптимизм, ранее свойственный мне, вернулась присущая мне радость жизни. Казалось бы, прошло немногим более двух лет, как я потеряла самого близкого мне человека, а жизнь брала своё.

Я заметила, что и студентам стало со мной легче и интересней общаться, и это было вполне понятно.

Еще в прошлом году стали приходиться письма от Юры Альтшулера, в которых он писал, что лучше его никто не поймёт моего горя (он потерял свою жену, мою дорогую Риту пять лет назад), просил моего разрешения как-нибудь прилететь ко мне в Ленинград из Саратова, где он заведовал кафедрой на физическом факультете Саратовского университета. Но я всячески уклонялась

от его предложений как-то помочь мне, отвлечь меня от моих переживаний.

Но теперь, после моего путешествия в Европу, меня как будто «перемололи». Я вспомнила, что Пьеретта приглашала меня приехать в Париж по её приглашению через общество «Франция – СССР», чтобы не наспех, а детальнее познакомиться с этой замечательной страной, и дала мне свой адрес. А я как-то без должного внимания и благодарности к этому отнеслась. Теперь я ей написала, в письме пригласила её к себе, и началась между нами интенсивная переписка.

А на зимние студенческие каникулы, полная новых впечатлений, я поехала в Саратов, где повидалась со своими друзьями, в том числе и с Юрой Альтшулером, который меня пригласил в Саратовский драматический театр на новую постановку о поэте Галиче. Это было очень интересно и смело, столичные театры на такое не решались.

Например, Галич Александр Аркадьевич:

*"Облака плывут, облака,
Не спеша плывут в Абакан.
Им тепло, небось, облакам.
А я продрог насквозь, на века!"*

*Я подковой вмёрз в санный след,
В лёд, что я кайлом ковырял.
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям..."*

Постановка очень понравилась, в антрактах гуляли с Юрой и разговаривали. Он видел, что я возвращаюсь в прежнее состояние. Когда я вернулась из театра, он позвонил по телефону и сказал: «Мы не всё друг другу сказали...» Я ответила: «Ну что ж, если будет возможность, приезжай в Ленинград, будешь гостем».

Зимой Катя защищала докторскую диссертацию. Это было радостное событие. К сожалению, Борис не смог порадоваться успехам дочери. В этом же году Вася пошел в первый класс в английскую школу, в которой учился Антон. Надо сказать, что в английскую школу простому смертному попасть в те времена было почти невозможно, в особенности, если ребёнок прописан не в том районе, где находится школа. И в случае с Антоном и в случае с Васей нам очень помогла наша родственница Лида (это несмотря на то, что английская школа была в нашем же районе). Лида и мне очень помогла в своё время в организации похорон Бориса. Спасибо ей большое за всё.

В конце апреля в Ленинград прилетел Юра, прочитав свои курсы, он оказался свободным до студенческой сессии. Остановился он у меня. До сих пор он редко бывал в Ленинграде, и пока я была занята в институте, навёрстывал упущенное, посещая музеи. Иногда он заказывал столик в Литературном кафе (угол Невского и Мойки, который перед дуэлью посетил Пушкин), и я туда подходила после занятий, благо мой институт был рядом.

Как-то и я сумела высвободить себе время, и мы купили две одноместные путёвки на теплоход из Ленинграда до Саратова и обратно. Юра и Володя с Катей одновременно купили мягкую мебель и теперь Юра на теплоходе вёз свою мебель в Саратов.

Как всегда на остановках, мы выходили в городах погулять, и вот однажды в Горьком мы пошли с ним в Художественный музей.

В одном из залов я вскрикнула: «Моя картина!» Редкие посетители с удивлением посмотрели на меня. На стене висела картина Поленова, на которой был изображён берег Венеции.

Мраморные ступени спускались к серебристо-серому морю, вдали желтел парус. У папы были две такие картины, они немного различались размером. По-моему, эта была авторским повторением с более крупной (лежащей в «запаснике») и была лучшей, потому и висела у папы в кабинете справа от входа над книжным шкафом.

Я забыла о них рассказать в первой части своей книги, когда описывала папину коллекцию.

Мы спустились с Юрой к директору музея, затем в архив музея. Она (директор) нашла соответствующую карточку в картотеке, на которой было написано, что картина поступила в музей в 1946-ом году из Комитета по Делах Искусств. Всё сходилось. Директор музея оказалась очень милой женщиной, с которой у меня завязалась переписка после того, как я всё ей рассказала, и которая сообщила мне уже в Ленинград, что вторая картина висит в Кишиневском Художественном музее. Оставалось выяснить, каким образом картины попали в музей. По приезде в Ленинград я пошла к адвокату. Адвокат сказал, что если я прослежу ниточку, связывающую конфискованную картину с фамилией моего отца Б.И. Извекова, то картину мне возвратят. Для этого надо ехать в архивы в Москву. Я просидела три дня в архивах, фамилию «Извеков» в документах Комитета по Делах Искусств я не обнаружила. Всё было сделано «шито-крыто»! Через несколько лет в Ленинграде была выставка Поленова, на неё привозили картины из всех городов страны, привезли и «мою» картину из Горького. Я, наверное, раза четыре ходила в Русский музей, чтобы лишний раз её увидеть, к тому времени я уже сама побывала в Венеции и сидела там на набережной, откуда открывался знакомый мне вид.

В мае этого года мне исполнилось 60 лет. Были гости, из Саратова были Юра и Толя Иванчук – мой университетский сокурсник, приехавший на майские праздники к дочери в Ленинград и хорошо помнящий дату моего рождения по нашей студенческой жизни.

В этот раз я попросила торжественных тостов не произносить, а лучше, чтобы каждый рассказал что-нибудь интересное из моей жизни. Мне очень жаль, что в ту пору у меня не было магнитофона, неплохо было бы эти экспромты записать. Помню, что говорили Игорь Кароль и Юра Альтшулер (я об этом уже упоминала ранее), Катя говорила, что её мать «всё может!» (по-видимому подразумевалась организация приезда к нам французов, связанных с обществом «Россия-Франция», Андрей говорил о том, что он унаследовал от меня «ощущение счастья».

Толя Иванчук был остроумным тамадой и без конца подливал в мой бакал шампанского, как только я убежала к телефону отвечать на междугородние звонки. Словом, моё 60-летие прошло очень оживлённо. Это был май 1989-го года, прошло более двух лет со смерти Бориса, жизнь брала своё.

Меня иногда упрекают, что я мало пишу о своей работе, о кафедральной жизни, о товарищах по работе. Нет, я не могла бы жить без работы, без общения со своими кафедральными сослуживцами. Мой покойный муж был профессором, доктором наук, заведующим кафедрой в Гидрометеорологическом Институте и ещё работал на половинной ставке старшим научным сотрудником в Академии Наук, наверное, я могла себе позволить не работать вообще, имея двух детей и ведя сама хозяйство.

Но другую жизнь я себе не представляла. Я очень любила и люблю свою кафедру, проработав на ней 33 года. Может быть, я была слишком занята своей семьей, не вдаваясь в подробности кафедральной жизни, может быть, были какие-нибудь подводные течения, которых я не замечала, но право же, не говоря о том, что я за 33 года работы на кафедре ни с кем не поссорилась, я даже не заметила, чтобы кто-нибудь из членов кафедры кому-нибудь что либо неприветливо сказал. Наша кафедра, кафедра математики в Ленинградском Текстильном Институте, а затем Университете Легкой Промышленности и Дизайна имела высшую степень интеллигентности, и я этим очень горжусь.

Я думаю, что высокая планка, которую держала наша кафедра, объясняется составом кафедры приблизительно на две трети из мужчин (предмет зависти со стороны женщин других кафедр), а мужчинам, как известно, склоки не свойственны. А насчёт самого процесса работы, если я о нём подробно не пишу, так ведь он из года в год мало чем отличался (иногда полегче, иногда потруднее), должность у меня была самая скромная, науку я не двигала вперед, её и без меня было кому двигать, диссертаций я не защищала и всю свою жизнь прожила «отражённым светом», как я об этом уже писала.

Кафедра не только хорошо работала, но и интересно и весело

отдыхала. Все праздники: ноябрьские, майские, новогодние, 23-е февраля с 8-ым марта вместе, по случаю окончания учебного года, а если к этому прибавить юбилейные даты сотрудников, то читатель поймёт, что жизнь на кафедре была интересной и насыщенной.

Помню, когда я впервые стала бабушкой, а было мне 46 лет, я получила такое поздравление от кафедры:

*БАБА ПАНЯ! ДОРОГАЯ!
Вас сердечно поздравляем
И желаем много лет
Сохранить девичий цвет
Щёк, и ярких губ улыбку,
Стройный стан изрядно гибкий!
Блеск цыганских Ваших глаз
Никогда чтоб не погас!*

Поздравления, как правило, были шуточными, например, одного из сотрудников я поздравила так:

*Честно и отлично по пути прошел;
Счастье и удачу, кажется, нашел!
Самый элегантный, самый весельчак,
С дамами галантный, поучитесь так!
Жить тебе на свете много много дней
Счастья и здоровья, дорогой Андрей!*

Праздник 8-ое Марта готовили мужчины, но так как мы задним числом поздравляли их с мужским праздником 23 февраля, мы тоже приносили из дома закуски (цветы, шампанское, напитки и сладкое были с их стороны). В ответ на их поздравление было и наше:

*Спасибо дорогим мужчинам,
Что в женский день, в который раз
По установленной причине
Вы поздравляете всех нас.*

*Мы вместе с вами год от года
Листаем дни календаря
И незаметно жизнь проходит
Рабочим дням благодаря.
Мы с каждым годом не моложе
И вы не те, и мы не те,
Но весны, как всегда похожи
И радуемся мы весне.
Она, лукавая, прекрасна
Сулит надежду и любовь,
Отлично знаем, что напрасно,
А всё же надеемся мы вновь!
И в день весны, 8-го марта
В ответ хотим сказать и мы,
Что ценим вас, гордимся вами,
К вам уважения полны;
Что любим вас и понимаем,
Желаем счастья без кручин.
Бокал с шампанским поднимаем
Мы за здоровье мужчин!*

**** Глава 3.**

Зимой мы наконец списались с Пьереттой и выработали план: в середине апреля я на две недели вылетаю в Париж, а к 1-му Мая мы вместе прилетаем в Ленинград, причём Пьеретта прилетает в Россию на месяц. На работе всегда действовал принцип взаимозаменяемости, так что я сумела высвободить себе вторую половину апреля и 15-го апреля вылетела в Париж.

В Париже в аэропорту «Орли» меня встречала Пьеретта и увезла к себе в S-te Genevieve des Bois. На другой день рано утром мы выехали на её машине через Шартр в S-te Michel. В Шартре осмотрели знаменитый собор XII века с двумя башнями в разных стилях – одна в готическом, другая в романском. Монастырь S-te Michel в Нормандии, расположенный на морской границе Франции с Англией, произвёл на меня потрясающее впечатление. Во время отлива этот край французской земли оказывается островом до следующего прилива. Я одна поднялась на самую верхотуру монастыря, Пьеретта берегла сердце и, конечно, деньги, так как она платила за меня во все музеи и дворцы, которые нам попадались на нашем пути. А впереди ещё были все замки Луары. Затем мы поехали по западному побережью Бискайского залива в Бретань, где прожили три дня в семье подруги Пьеретты с радиальными выездами в интересные своей замечательной природой места.

В этой семье был мальчик, учившийся в последнем классе колледжа, которому я помогла по математике. Родители его, чтобы как-нибудь меня отблагодарить, потчевали меня всевозможными сырами и, конечно, бретанскими винами. У них был большой дом на берегу залива, в котором они жили втроем, так что у нас с Пьереттой было по отдельной комнате.

Распрощавшись с гостеприимными хозяевами, мы отбыли в направлении замков Луары. Я не буду подробно описывать замки, в которых я побывала, всякий, кто поинтересуется, найдёт подробное их описание в соответствующей литературе, я их просто перечислю: Usse, Langeais, d'Azay-le-Rideau, Chenonceau, Chambord.

На вторую неделю моего пребывания во Франции Пьеретта купила мне недельные билеты на метро-электричку в Париж и в музей Парижа. Я обошла в Париже много музеев. Это были Лувр, музей д'Орсэ, музей Помпиду, Дом Инвалидов, музей Родена, Музей импрессионистов в Малом Дворце в Тюильри, Большой Дворец в Тюильри, музей архитектуры и кинематографии, Эйфелеву башню. Кроме того, мы ездили с Пьереттой в замок Фонтенбло – резиденцию Наполеона.

В конце апреля мы вылетели с Пьереттой в Россию, в Ленинград. Пьеретта состояла во французской партии коммунистов, поэтому ей особенно хотелось попасть в Советский Союз на 1-ое Мая, чтобы увидеть демонстрацию наших трудящихся. Это был 1990-ый год, это был год, когда всюду носили Горбачёва, и как я её ни уговаривала не ходить на дворцовую площадь, она меня не послушала и в результате была сильно разочарована.

«Татьяна, вы должны Горбачёва на руках носить!» – говорила она. Когда она видела наши пустые полки в продуктовых магазинах, она говорила: «Татьяна, у вас будет всё, но вы ничего не сможете купить!». Ещё она говорила: «Татьяна, вы такие богатые, у вас Средняя Азия, а ведь мы покупаем апельсины в Алжире».

Все наши разговоры были на французском языке, она ни одного русского слова не знала, месячная практика в языке в общении с Пьереттой заставила меня кое-что вспомнить из далёкого детства. Перед отлётом из Парижа она собрала своих друзей в честь меня, и все они принесли мне небольшие сувенирчики. То же самое и я решила сделать. День рождения Пьеретты 2-го мая, мой – 4-го мая. Я решила сделать общий праздник 3-го мая и попросить моих гостей ничего не дарить мне, чтобы все подарки были ей, мотивируя свою просьбу тем, что заранее меня поздравлять – плохая примета. Всё задуманное мной удачно реализовалось.

После нашего круиза по Северной Европе у нас сколотилась дружная компания из 10 человек, которая просуществовала более 15 лет, потом понемногу стала редеть... Так что были все они, мои дети и мои друзья. Двое или трое из гостей могли поддержать разговор по-французски.

Удачно получилось с подарками для Пьеретты. Я уже в Париже знала, что я ей подарю. Дома у меня лежал отрез крепдешина красивой серо-голубой расцветки (производства Баку), купленный незадолго до этого в Москве. По приезде в Ленинград я сразу же попросила Милу (сестру моего зятя Володи), сшить Пьеретте платье из этого крепдешина. Мила сразу же откликнулась на мою просьбу и пришла к нам. Минут двадцать она сидела и смотрела на Пьеретту: как та ходит, как двигается, потом сняла мерку и уехала.

Через три дня она мне позвонила; спросила, где бы нам в метро встретиться, она хочет передать мне готовое платье. «Мила, без примерки?!» – воскликнула я. «Примерка не нужна», – был ответ: Мила – талантливый модельер, она по окончании Ленинградского Текстильного института работала в Ленинградском Доме Моделей.

Платье великолепно сидело на Пьеретте, при этом устраняя недостатки её фигуры. К этому платью я ей подарила кулон и серьги из Кисловодского фарфора. Платье было из крепдешина, из натурального матерьяла, а в современную жизнь уже вошла синтетика. Когда я в Париже специально спрашивала в магазинах, есть ли *serp-de-chine* и *combien coute?* (есть ли в продаже крепдешин и сколько он стоит?), мне отвечали, что они забыли, когда тот был в продаже. Тем более такой подарок был более ценен. Катя подарила ей серебряное колечко со змейкой. Пьеретта выглядела дамой XVIII века, по выражению одной из наших путешественниц, кстати, гида по Эрмитажу. Все участники заграничного путешествия старались мне помочь в развлечениях Пьеретты, даже отсутствие знания французского языка не очень их смущало. Мне же пришлось быть очень занятой на работе, так как надо было отдавать долги за высвобождённые мне дни для поездки во Францию. За месяц Пьеретта осмотрела все пригороды Ленинграда, но главным для неё оказался «Разлив» (сарай и шалаш Ленина). Когда одна из членов нашей компании, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института им. Герцена повела её в Эрмитаж и на хорошем французском языке стала рассказывать об изобразительном искусстве, несчастная Пьеретта взмолилась: «Татьяна, они все думают, что я такая, как все вы!»

У меня нет вашего образования!»

Володя и Катя возили нас с ней в Новгород и подарили нам путёвки на остров Валаам. Это было ещё «то» мероприятие! Дело в том, что при советской власти иностранцам плыть на Валаам не разрешалось, пришлось предъявить при посадке на пароход чужой паспорт. Каюта у нас была отдельная, разговаривать было можно.

А вот в ресторане за столом сидело 6 человек, пришлось сказать, что моя сестра немая и потому молчит, но на палубе, хотя и шёпотом, мы разговаривали. Валаам на неё впечатления не произвёл, там надо было много ходить, а она привыкла к машине.

Антоша нарисовал её портрет (сколько мы его ни просили убрать морщины, сделать это он не смог). Вручая портрет Пьеретте, мы её успокоили, сказав, что, к сожалению, на портрете она получилась на десяток лет старше. На Невском в Пассаже она купила себе осенний костюм и шляпу и была в восторге, выиграв на разнице цен. В конце концов мы её проводили, очень довольную своим пребыванием в Ленинграде.

Дача

Наступало лето, и я, забрав Васеньку, полетела в Саратов по приглашению Юры Альтшулера на его дачу, расположенную на берегу Волги. Позднее к нам присоединился Антон. Дача была под Саратовом в полчаса езды на машине.

У Юры – дочь Марина, зять Олег и внучка Ритулька, годом старше Васи. Юра нас встретил и через пару дней отвез на дачу, где жила Ритулька с бабушкой, матерью Олега. У Юры была путёвка в Кисловодск, и он вскоре туда улетел. На выходные к нам приезжали Марина с Олегом, привозили продукты, магазинов там не было. Это был дачный кооператив Саратовского университета. Вася с Ритулкой подружились. У нас с Васей была отдельная комната. В дачном кооперативе было много знакомых по университету и по моей прошлой саратовской жизни. На соседней улочке жили мои друзья Гена Елин и Галя Полищук, их дочка Леночка (замужем за Сашей Фальковичем) и внучка Марина. Повыше на пригорке дача Абрама Финкеля. Абрам старше меня курсом по университету. Ритулькина бабушка, Аня, очень приятная женщина и мы с ней подружились. Потом прилетел Антон. Соседская девушка Катя не давала ему прохода. Приходилось мне её всячески отваживать. Аня готовила, я занималась детьми. В саду поспела крупная вкусная клубника, всегда была своя зелень. Васеньке было 6 лет, Ритулке 7 лет. Ритуля была избалованной девочкой, плохо ела, бабушку не слушалась, но Васю она слушалась беспрекословно. Дети устраивали нам всевозможные концерты со своими выступлениями, пели, танцевали. Однажды я поставила на стол розу в стакане и предложила им её нарисовать (Васин рисунок я сохранила). Я учила их сочинять рифмы и предложила им попробовать самим написать стихи. Сохранилось Васино стихотворение:

*Ах, роза красная,
Ты расцвела
И душу нашу озарила.
Какой красивой ты была,
Какое счастье нам дарила...
Но, ветер дунул,
Дождь пошел
И лепестки твои завяли.
Как быстро счастье я нашел,
Но удержу ль его, едва ли...*

(Третью и последнюю строчки, наверное, я ему подсказала).

Много купались в Волге, ребята научились нырять. Нырjali они с плеч высоких мужчин. Ритульку, как девочку чаще брали на свои плечи высокие знакомые мужчины, что Васе было очень обидно, и он как-то раз на весь пляж закричал: «Рита, ты уже перепробовала всех мужчин!», что вызвало хохот всех присутствующих на пляже. Мы с Васей пришли «ко двору» на Юриной саратовской даче, и потом три лета подряд мы туда летали, в последний раз уже тогда, когда Юры не было в живых.

А в это время Катю пригласили на три года работать в Германию, (один предварительный год для изучения немецкого языка). Тут я «взвыла» и согласилась только на два года, язык можно учить и «по дороге». Катя проработала в Германии с весны 1990 года по весну 1992 года. Дети оставались с Володи, я попросила на работе только утреннюю нагрузку. Теперь я после работы ехала на Охту в Катину квартиру, встречала детей из школы, варила обед и после возвращения Володи с работы уезжала домой. Выходные дни Володя полностью брал на себя.

Осенью нам с Васей удалось слетать к Кате в Германию, в город Майнц, где она работала в университете. Она снимала однокомнатную квартиру, где мы втроём и разместились. Катя утром уходила на работу, мы с Васенькой гуляли по городу. Вася был уже первоклассником, и я его решила отвести в немецкую

школу. Школа была не близко, надо было пройти квартала три и потом перейти на другую сторону улицы по пешеходному мостику. Первый раз я его отвела, затем он шел туда и обратно самостоятельно. Однажды он задержался более обычного, мы с Катей начали беспокоиться. Вскоре он явился, оказывается провозжал девочку-турчанку, с которой сидел за одной партой.

Вася не знал ни одного слова по-немецки, его учительница не знала ни одного слова по русски, но когда я приходила и спрашивала учительницу, как Вася учится, она только восклицала: «Super, super!»

Пока Васенька находился в школе, я отыскала дешевый магазин, которые приняты за границей. В Америке это магазины фирмы «Gudwill». В этих магазинах продаются неплохие неновые вещи, а иногда и новые по низкой цене. Люди, которые сдают эти вещи, за них деньги не получают, но им государство уменьшает где-то налоги, поэтому им выгодно это делать, а бедному человеку выгодно покупать вещи по низкой цене – и все довольны! Я к тому времени не была уже профессорской женой, была скромным ассистентом на кафедре, и поэтому магазин такого профиля меня очень даже интересовал. Мне нужны были зимние сапоги, я стала их примерять, но ни на одной паре молния не хотела застёгиваться.

Я была одна в обувном отделе, продавец с улыбкой подавал мне пару сапог одну за другой. Я напрягла свою память и вспомнила, что пятьдесят лет тому назад в школе, в 5-ом классе, на немецком уроке мы читали рассказ об Одиссее и циклопе Полифеме, и про циклопа были слова: «Seine Beine waren so dick, wie tausendjährige Bäume» (его ноги были так толсты, как тысячетлетние деревья).

Я перефразировала это предложение так: «Meine Beine sind so dick, wie tausendjährige Bäume» (мои ноги так толсты, как тысячетлетние деревья). Он засмеялся и сказал: «Geben Sie mir bitte Ihre Adresse, ich werde Ihnen schicken» (дайте, пожалуйста, свой адрес, я вышлю Вам).

Сначала я получила от него поздравление к Новому году.

Ни в одном словаре я не могла перевести в обращении ко мне одно слово. Я передала открытку своим знакомым, у которых их знакомая преподавала немецкий язык в университете. Она перевела: «Чудная, фрау Булах».

Он выслал мне коротенькие замшевые сапожки на каучуке и каждый год к рождеству присылал большие посылки, где была наряду с продуктами и сладостями всевозможная одежда.

И так продолжалось 15 лет! За все эти годы я почти ничего нового не покупала. Удивительно то, что из всего, что он присылал, многое мне подходило, а что не подходило, я отдавала другим.

К этим посылкам подключилась и его жена Герда, которая иногда, когда мой ответ с благодарностью запаздывал, звонила: «Haben Sie unser Pocket bekommen?» (получили ли Вы нашу посылку?).

Я, конечно, тоже старалась Йозефу и Герде что-то послать к рождеству, но всё это было скромнее. И так, это продолжалось лет пятнадцать, пока в 2006 году, возвращаясь из Швейцарии, проездом из Кёльна во Франкфурт со всевозможными пересадками (чтобы было подешевле), я не захала в Майнц специально, чтобы повидаться, предупредив их об этом из Кёльна. Я много раз до этого приглашала их в Петербург, но Йозеф ссылался на то, что в Россию на машине ехать сложно, а на самолёте Герда боится летать. И так, мы встретились; с Гердой впервые, а с Йозефом до этого мы виделись не более 10 минут 15 лет тому назад.

Вот как интересно случается в жизни!

Мы были вдвоём с приятельницей, мы их застали в момент переезда на другую квартиру поближе к сыну. Дома у них был «тарарам», но я заметила кое-какие мои подарки, присланные им в разное время. Тут же Герда вынесла шубу и легкое кожаное зимнее пальто и подарила их нам обеим. Сколько мы ни отказывались, что и положить то нам их некуда, у нас только рюкзаки, но Герда спустилась на лифте в свой подвал и принесла роскошную большую сумку, куда они запихнули обе шубы, посадили нас в машину и повезли в центр города. Показав нам центр, накормив нас пирожными в кондитерской, отвезли по моей просьбе в церковь St.Stefan, известную по великолепным витражам Шагала (я уже в третий раз любовалась синим цветом этих витражей) и затем на вокзал к поезду, идущему на Франфуркт, куда нас погрузили вместе с шубами и откуда мы отбывали в Россию.

Здесь меня ждала неприятность. Дело в том, что я привезла Йозефу в подарок серебряную монету с Николаем II, а он хотел мне в обмен подарить монету с Наполеоном. Я ему объяснила, что я не нумизмат, как он, и я, конечно, очень тронута, но это «не в коня корм» и вернула её обратно. Так, оказывается, он засунул мне её в рюкзак (моя приятельница это видела, но сказала об этом мне только тогда, когда поезд тронулся). Я была очень этим расстроена, всё ей высказала, она же оправдывалась тем, что дала Йозефу обещание ничего мне не говорить. Ещё задолго до нашей последней встречи обязательный обмен подарками нас тяготил, наверное, обе стороны хотели поскорее от него избавиться, так что наш приезд и обмен их квартиры всё и решил. За знакомство с Йозефом я судьбу свою благодарю (она помогла мне в какой-то степени не забывать немецкий язык, и, конечно, было приятно к рождеству получать подарки).

Ещё одна интересная встреча произошла у меня в Германии. Как-то в одну из суббот, когда Катя была свободна и осталась с Васей, я поехала трехчасовой электричкой в соседний город Висбаден. Этот курортный город мне был интересен тем, что он связан с именем Достоевского и что в этом городе императором Николаем II была построена русская церковь. Я сошла с электрички, списала расписание вечерних поездов обратно на Майнц и пешком пошла по главному проспекту к центру города. Это было не близко. Я дошла до парка, в котором было известное казино, связанное с именем русского писателя Достоевского. Достоевский, приехавший на этот курорт в своё время лечиться, играл в карты в этом казино. Уже смеркалось, а мне надо было добраться до русской церкви, находившейся на кладбище, на горе. Я спросила встречную чету немцев, как мне ближайшим способом добраться до церкви. Они удивились тому, что я так поздно туда иду. Я им на ломаном немецком языке объяснила, что я из России, что я в первый и, скорей всего, в последний раз в их городе и что я всё-таки хочу церковь посмотреть. Тогда муж дамы сказал, чтобы мы с его женой подождали минут пятнадцать, пока он спустится за

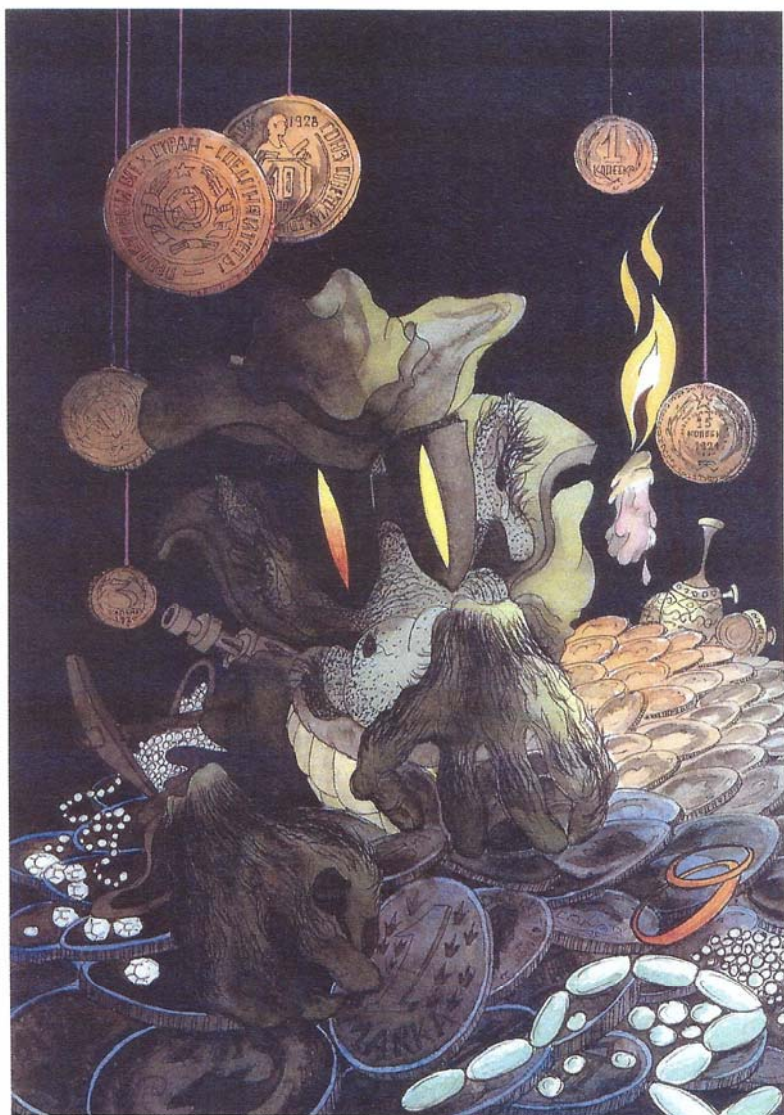
машиной. Вскоре он приехал на машине, забрал нас и мы буквально через несколько минут очутились у церкви. Но церковь была уже закрыта. Как я была благодарна этой паре супругов!

Я не знаю их имен, чтобы поименно их вспомнить и поблагодарить. Ведь мой благодетель нашел сторожа (по-видимому ему заплатил), тот открыл нам церковь, в церкви в левом приделе стояло мраморное надгробие. Сторож включил магнитофон, и мне сказали, что это голос русского Царя, Николая II, записанный на плёнку во время визита его в Висбаден по поводу захоронения его племянницы, вышедшей замуж за немецкого принца и скончавшейся в восемнадцатилетнем возрасте от родов.

Мне пора было возвращаться на вокзал, чтобы во время вернуться в Майнц, но мои новые знакомые отвезли меня сначала к горячим источникам (благодаря которым прославился этот курорт), а затем не на вокзал, а по мосту через Рейн до самого города Майнца к самому дому, где меня ждали Катя и Вася.

Я попросила их немного подождать. Хорошо, что у Кати оказалась большая коробка шоколадных конфет из России, я её презентовала с большой благодарностью этим замечательным людям.

Незадолго до нашего отъезда из Германии я видела сон, будто бы в мою ленинградскую квартиру ломятся вору (я даже вскрикнула и разбудила Катю). Каково же было моё удивление, когда по возвращении в Ленинград мой сон подтвердился; с петель была снята внешняя дверь, но охрана сработала и воров поймали!

«Нумизмат»

** Глава 4.

Шел 1992-ой год. На работе всё благополучно. Учебный процесс мало отличается для меня год от года. Программа курсов не меняется, математика – наука стабильная.

В этом году, если не ошибаюсь, на кафедре праздновали 70-летие нашего профессора Александра Ильича Векслера. По этому поводу мною было написано и прочтено шуточное поздравление:

*Когда Вам было 48
Я, помнится, писала Вам:
«Мне бы ваши 48, я бы знала как мне быть,
Ну, а Вам диету бросить, пить вино и дам любить!»*

*Советам ли моим Вы вняли,
Но несмотря на все года
С тех пор стареть Вы перестали,
А промелькнуло 22!*

*Не знаю как насчёт диеты
И дамские мои советы,
Но, видно, явно помогло
Сухое красное вино!*

*Вот племя наше постарело,
А Вас и время не задело...
Вы молоды и это – факт.
Вы наш живой инвариант!*

*И пусть Вам жизнь не ставит мат
И пусть она не ставит пат.
Дарю хорошую Вам дозу –
Гарант от скуки и склероза. (шахматы)
Давайте бросим дружный клич:
«Будь молод и здоров Ильич!»*

Однажды когда я возвращалась с работы домой, в метро ко мне подседа монахиня, одетая в добротную красивую коричневую одежду. На голове у неё был коричневый клобук (высокий монашеский головной убор с покрывалом), явно иностранка, скорее всего полька, потому как обратилась ко мне с вопросом, где ей удобнее сойти, чтобы добраться по нужному адресу, с польским акцентом. Я ей постаралась как можно понятнее всё объяснить.

На прощание, посмотрев мне в глаза, она протянула листок плотной бумаги, сложенный пополам, со словами: «Возьмите, это Вам может пригодиться» – и вышла.

Я развернула: на левой стороне сверху был приклеенный скотчем маленький латунный образок Девы Марии или Матки Боски Ченстоховски по-польски. Вся левая сторона была исписана по-польски, на правой стороне развёрнутого листа аналогичный текст был русским. Я прочла. В тексте были описаны чудеса, совершенные Девой Марией для блага страждущих и т.д., в конце было написано, что можно носить образок в сумке, но лучше его повесить на шею. На какое-то время приехала Катя из Германии и были планы у неё на зимние каникулы забрать меня и Васю опять к ней в Майнц, но Вася приболел, и мы пошли сдавать купленные билеты обратно. Стояла большая очередь, и Катя решила сдать свои билеты в другой раз, а я осталась в очереди. Известно, что при сдаче билета теряешь какие-то деньги в зависимости от срока

сдачи. Стою, вдруг подходит ко мне молодой человек и спрашивает, куда я сдаю билет. Его пункт назначения устраивает и он полностью возвращает мне стоимость билета. Что-то мне очень повезло: и времени не потеряла, и деньги не пропали! После этой и ряда других (уже не материального профиля) удач, я повесила образок Девы Марии на шею на серебряной цепочке.

Забегая вперёд, по своему обыкновению, скажу, что этот образок не один раз спасал меня от тяжёлых последствий в моей жизни. Это мой талисман, который я ношу на шее уже больше шестнадцати лет и надеюсь умереть вместе с ним.

Как-то Катя в одну из суббот попросила меня переночевать у них. Они с Володей уходили пораньше в гости, и надо было накормить и уложить детей вовремя. Это был 1992-ой год, это год был сложным для страны. Продукты давали по талонам. Утром они с детьми собирались на машине ехать в Зеленогорск отоваривать талоны, наверное, так им было проще. Для меня эта ночь была тяжёлой, я видела дурной сон. Вроде бы в нём не было ничего дурного, но проснулась я с опухшими глазами, словно избитая...

А снилось мне вот что: это был сон во сне, будто бы стоит круглый небольшой стол, на нем круглая плетёная хлебница, в которой лежат два печенья и сидит маленькая птичка - и всё...

Как будто ничего особенного, и вместе с этим я воспринимаю всё виденное мной как свою смерть. Я отозвала Катю в пустую комнату и сказала ей: «Катя, давай поговорим. Я сегодняшний день не переживу...» Пришлось рассказать ей свой сон, никому не понятный кроме меня. Конечно, мне пришлось выслушать тираду о том, что я сумасшедшая и тому подобное, и что она меня одну не оставит, я должна ехать с ними. Мы поехали в Зеленогорск.

Зимой быстро темнеет. Володя и Катя оставили нас с Васей возле церкви, а сами уехали в продуктовый магазин отоваривать талоны. Кстати, церковь в Зеленогорске очень красивая, она построена по проекту архитектора Растрелли. Уже стало

подмораживать, все-таки это было начало января, и мы с Васей зашли в церковь.

У меня давно было в мыслях, что хорошо бы Васю окрестить.

Мои дети, к сожалению, некрещёные, муж был против. Вскоре приехали Володя и Катя, забрали нас, и мы поехали домой, мимо «Чертова озера» по Выборгскому шоссе. В машине впереди сидели Володя и Катя, пристёгнутая ремнем безопасности, а сзади мы с Васей, непристёгнутые.

На обледенелой дороге машина поскользнулась, перевернулась и опять встала на колёса. Катя выскочила из машины, открыла дверцу к нам. Картина была такая: я на четвереньках, на шее у меня Вася. Володя открыл вторую дверцу заднего сидения, и Васенька, как ни в чём не бывало, выскакивает, потом выхожу я.

Стёкла выбиты, крыша погнута, но машина на ходу.

Катя останавливает первую попавшуюся попутную машину и отправляет нас в город, а сама с Володиёй добирается в город своим ходом. Я прошу остановить водителя на Каменноостровском проспекте возле улицы Чапыгина, отсюда недалеко до наших хороших знакомых. Мы поднимаемся к ним и приходим в себя, затем нам вызывают такси, и мы едем домой. Вот такая история. Васе шёл 9-ый год, он был плотный мальчик, сидел на моей шее, где проходит сонная артерия, могло всё плохо кончиться, может быть, висящий на шее образец помог нам обоим? Так или иначе, на другой же день Вася был окрещён, и я была его крёстной матерью.

Лето мы с Васей опять проводили в Саратове. Антоша готовился к поступлению в Политехнический институт. В конце августа Юра нас провожал в Петербург. Он очень плохо выглядел.

17-го сентября он мне звонил, говорил, что плохо себя чувствует, сказал: «Вот если бы ты приехала...» Разговор оборвался, а 18-го сентября позвонила Маринка вся в слезах: «Папа умер, я еле довезла его до больницы...» Я не смогла полететь на

похороны, в последний момент отменили самолёт. Я потеряла еще одного друга.

1993-ий год. Катя и Володя с сентября прошлого года работают в Голландии. Катя в университете в городе Вагенингене.

Катина специальность – физика полимеров. Володя работает в городе Утрехте. Живут в Вагенингене (города в часе езды друг от друга).

В этом году Володя и Катя покупают дачу в России на Карельском перешейке в Приозерском районе на 78-ом км по железной дороге от Петербурга, на следующей остановке после станции «Сосново».

Это была очень удачная покупка, хотя и очень дорогая по тем временам. Участок 13 соток, на котором 33 сосны. На участке серенький домик с двумя выходами внутрь участка состоит из большой двадцатиметровой комнаты, маленькой столовой рядом с кухней, небольшой застеклённой терраски и маленького чуланчика. На участке ещё стоят: маленький домик с душем и маленькой комнаткой для гостей на двух человек, небольшая мастерская, сарай и туалет. Кроме сосен на участке стоят ёлки, дуб, берёзы, рябины, кустик сирени, маленькая яблоня, вишня, кусты чёрной и красной смородины и малины. Возле террасы большой куст белых диких роз. Участок расположен в 150 метрах от красивого озера с высоким сосновым берегом.

Зима на Карельском перешейке, да ещё на собственной даче для взрослых и детей была подарком судьбы. В пятницу я забирала Васеньку из школы, и мы ехали с ним на дачу. Мы топили печку, Васенька маленьким ведёрком носил воду из колодца, я покупала продукты в магазине, и мы варили обед для всей семьи на завтра.

В субботу приезжали на машине Володя, Катя и Антон с котом Усинькой в уже нагретое помещение. В субботу и в воскресенье катаемся на лыжах в лесу и на коньках на озере. В первые дни

зимы, когда снежок только слегка прикрывал замёрзшее озеро, была такая благодать мчаться по всему большому озеру!

И я, катаясь на коньках (на седьмом десятке лет), вспоминала и Ануфриево во время войны, и саратовскую свою молодость на катке. Но однажды озеро не гладко застыло, была рябь на расчищенном нами катке и я, поскользнувшись, упала. Васенька, поднимая меня, сказал: «Старый ты уже, Таточка, корабль, пора тебе в гавань...» Я не припомню, чтобы я после этого становилась на коньки. Что делать? С возрастом приходится от многого отказываться. Сейчас, когда я иногда возвращаюсь из леса с грибами и прохожу мимо крутого отвесного берега соседнего озера, я диву даюсь, как это им (Володе, Кате, Антону и Васе) не страшно было лететь на лыжах с такой высоты в озеро.

Иногда Антон привозил в воскресенье на дачу Сашу, свою однокурсницу по Политехническому институту, в который они поступили вместе после окончания физико-математической школы №239. Они дружили со школы. Вспоминается забавный случай. Как-то когда они были ещё школьниками, Антон привёл после школы Сашу к себе домой. Далее рассказ Васи родителям, пришедшим домой после работы:

"Мама, Антон привёл девочку после школы!"

Катя: "Ну и что?"

Вася: "Она взяла твою сковородку!"

Катя: "Ну и что?"

Вася: "Она жарила блины!"

Катя: "А блины то были вкусные?"

"Вкусные", - нехотя ответил Вася.

Разница в возрасте у братьев – восемь лет, по-видимому проявилась детская ревность, уж очень Вася был привязан к старшему брату.

Когда Васенька был совсем маленьким, как-то он разбуянился по поводу того, что ему родители не дали досмотреть телевизор и отправили спать. «Я вас далеко пошлю, далеко пошлю!» - не унимался он. «С кем же ты жить будешь?» – спросили родители.

«С Антошей буду жить, с Антошей!»

Не могу не вспомнить ещё один случай. Как-то возвращаясь с Охтинской квартиры к себе домой, стою на остановке, дожидаясь автобуса. За большим рекламным транспарантом вижу две пары ног, одна из которых «на цыпочках». Думаю, наверное, целуются. Какие хорошие, скромные ребята, не выставляют себя на всеобщее обозрение, как это встречается сейчас повсюду в метро и на улицах. Оглянулась еще раз – и ёкнуло моё сердце: мужские ботинки точь в точь как у Антошки, такие недавно Катя привезла из-за границы! Рассказала потом об этом случае Антону, спросив, не его ли ботинки я видела. Он смущённо улыбнулся, но не сказал, что это были его ботинки... Ну, я опять, как всегда, ударились в воспоминания, прерывая последовательный ход событий.

Весной приезжают на короткое время маленькая Ритулька с бабушкой Аней из Саратова, чтобы побыть немного на даче и в Ленинграде, а затем забрать нас с Васей на дачу в Саратов.

Вскоре мы вчетвером на поезде отбываем в Саратов. Грустно было сознавать, что Юры уже нет с нами. Это было наше последнее лето на даче в Саратове. Так как Володя и Катя собирались в этом году взять Васю с собой в Голландию, я решила с Васенькой сплавать по Волге и Каме до Перми и обратно в Саратов. У нас была каюта 1-го класса, Васенька подружился с сынишкой капитана, и они весело проводили время. Кроме того, за время путешествия я Васю научила играть в бридж. Зелёные берега Камы были очень красивы.

В городе Набережные Челны мы с Васей вышли на берег, чтобы полюбоваться красивой мечетью. Мечеть была закрыта, но нам служитель открыл её, дал тапочки и разрешил нам её осмотреть, хотя женщинам во все помещения входить нельзя, только в некоторые. Мы проплывали Елабугу, Чайковское, где Вася меня уговорил купить малахитовые серёжки. Как сейчас помню, они стоили три рубля (это было не дешево), и наконец – Пермь.

Мы приплыли туда во второй половине дня и успели осмотреть город, даже успели побывать в Художественном музее. Там у нас с Васей была такая игра: я становилась у входа в зал, он подходил к картинам и спрашивал меня : «Какой художник написал эту картину?» Я редко ошибалась, он удивлялся: «Ты же в первый раз здесь и не видишь надписей. Как же ты угадываешь?» – спрашивал он. «По манере письма, Васенька, будешь взрослым, будешь тоже угадывать» – отвечала я. Сама же я искала в этих залах что-нибудь из папиной коллекции, как это в своё время обнаружилось в Горьком.

На другой день теплоход должен был отчаливать в три часа дня, мне же хотелось свозить Васю в знаменитые Кунгурские пещеры, которые в 1914-ом году посещала даже английская королева. Капитан нашего теплохода сказал, что мы не успеем посетить пещеры до отплытия теплохода и раз уж мы так хотим их посмотреть, то на следующей «зелёной» остановке он будет стоять 4 часа и мы сможем догнать теплоход на катере и дал нам соответствующие координаты знакомых моряков на берегу.

Утром нас рано разбудил дежурный матрос с тем, чтобы мы попали на первый троллейбус, идущий к центру города, где была расположена городская автобусная станция. Но билетов до нужного нам пункта на первом автобусе, к сожалению, не было.

У нас же было времени в обрез. Я упростила водителя взять нас без билетов, он-то был согласен, но как мы поедем стоя, ведь ехать не менее трёх часов? Я сказала, что у нас выхода другого нет, и мы

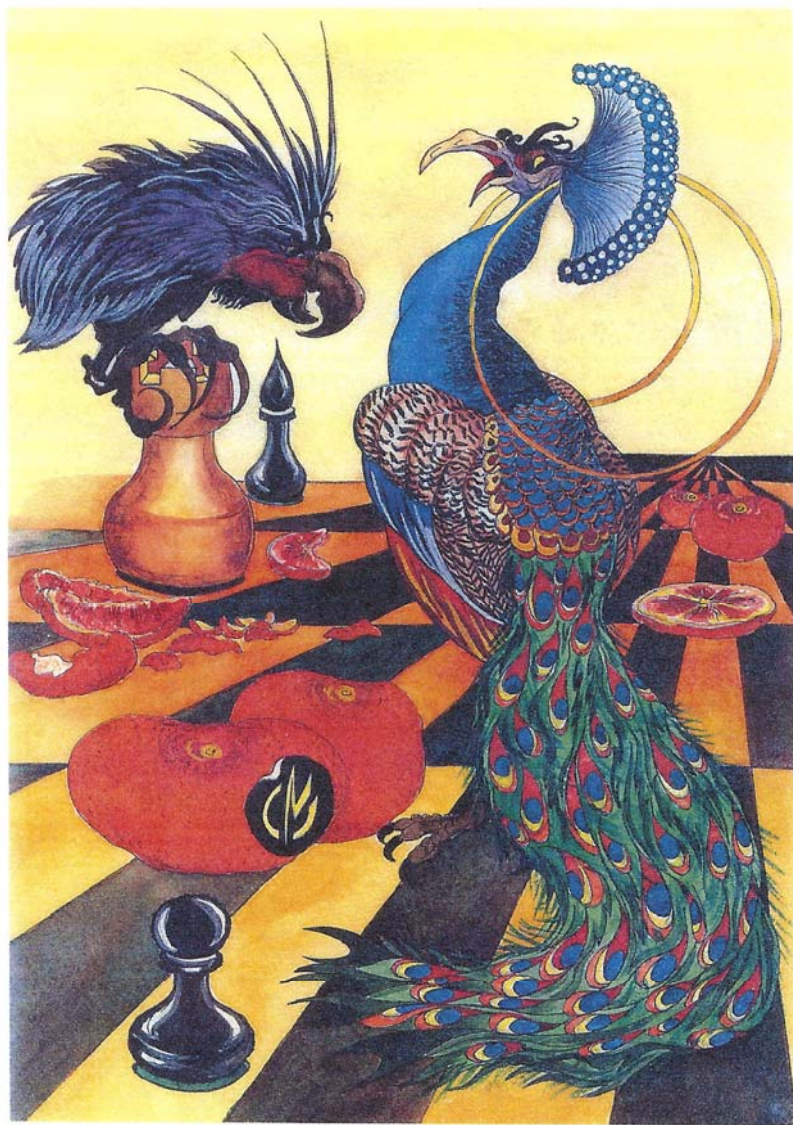
поехали, потом кое-какие места освободились. Затем мы пересели на частный «москвич». Нам очень повезло – как только мы подъехали к пещерам, как раз началась двухчасовая экскурсия, и мы стали спускаться вниз по лестнице, вырубленной в скале. Замечательное зрелище раскинулось перед нашими глазами.

Под землёй текла настоящая речка, по которой можно было плыть на лодке, а по берегам подсвеченные сталактиты и сталагмиты всевозможных оттенков! Когда мы выбрались наверх, полные красочных впечатлений, то у нас была одна цель – как можно быстрее добраться до местной автостанции, откуда шли автобусы на Пермь.

У нас оставалось всего три часа до отплытия парохода. Это была сельская местность, и общественный транспорт здесь ходил крайне редко. Мы остановили грузовик-трёхтоннку и залезли в кузов.

В этом кузове возили навоз, и на дне его валялись грязные вилы, но благодаря водителю этого грузовика мы сумели попасть на нужный нам автобус. На пристань мы всё равно опаздывали, но каково же было наше удивление и радость когда, подъезжая на троллейбусе к пристани, мы увидели свой теплоход. Мы успели взбежать по трапу, и он отчалил. То ли по техническим причинам капитан задержался с отплытием, то ли нас ждал – неизвестно, только мы подружился с семьёй капитана, и обратно (уже после того как мы с Васей сошли в Саратове), когда капитан шёл из Астрахани опять в Пермь, его жена по моей просьбе купила в Астрахани мне большого живого осетра, и мы с Юриной дочерью Мариной, встречая теплоход в Саратове, вдвоём еле дотащили его до машины. На теплоходе нам его выловили из водного резервуара, где он плавал с другими осетрами. На даче мы пригласили всех друзей-соседей и ели большие зажаренные куски осетра в первый и, наверное, в последний раз в жизни.

Возвратившись в Петербург, мы с удовольствием пожили на своей даче. Но лето кончалось, а с ним и отпуск. Пора было Васе в школу а мне на работу. В конце этого года Катя забирает Васю из 5-го класса школы, чтобы увезти его в Голландию, где они с Володей теперь работают. Интересно, что с Васей все учителя расставались с сожалением. И не потому, что он - отличник (таких отличников - не он один), а потому что он как староста класса и лидер по своей натуре держал дисциплину в классе, тем помогая учителям в учебном процессе. И об этом говорили все учителя его класса.

**** Глава 5.**

Итак, Володя, Катя и Вася в Голландии. Антон, студент 3-го курса Политехнического Института, живёт со мной в Петербурге в моей квартире на Ленинском проспекте.

Мне теперь живется легче, не надо ездить к детям на Охту. Можно больше уделять внимания работе и своей любимой кафедре. Я мало пишу о работе и жизни кафедры, но интересно ли будет читателю знать о кафедральных буднях и о моей преподавательской и методической работе, а наукой я, как и предупреждала при своём поступлении на работу, никогда не занималась. Ну, не всем же дано двигать науку вперёд! Может быть, это и не нужно. В связи с этим вспоминается один эпизод из моей преподавательской практики.

Как-то раз мы с Валерием Захаровым вели параллельно практические занятия у вечерников. В. Захаров – очень способный молодой математик, бывший аспирант профессора А.И. Векслера, кандидат физико-математических наук, очень скоро ставший доктором наук и приглашённый впоследствии в качестве профессора в Московский государственный университет. В перерыве гуляем с ним по институтскому коридору, он мне говорит: «Татьяна Борисовна, сейчас мне надо начинать со студентами дифференциальные уравнения второго порядка с правой частью, я могу решить любое уравнение, но как им лучше объяснить, как их надо решать, я не знаю». Я ему: «Валера, ты погуляй минут десять-пятнадцать, я им объясню, потом будешь с ними решать примеры». Так и сделали. Только я в своей группе предварительно дала задание для самостоятельной работы. Это я к тому, что пусть одни двигают науку, а другие – практику.

Поэтому я лучше расскажу что-нибудь весёлое из своей 33-летней кафедральной жизни. Я уже писала о том, что кафедра у нас

была на редкость дружной и сплочённой. Я очень благодарна своей кафедре за всё хорошее, за то, что она всегда мне во всём шла навстречу – и моим горестям, и моим радостям. Я бы никогда в 67 своих лет не ушла бы на пенсию, меня никто не гнал, если бы не подкрадывающаяся глухота, мешающая мне нормально общаться со студентами. Я всегда чувствовала поддержку кафедры.

Помню, когда родился мой третий внук Васенька, а это было в 1983 г., я получила поздравление от кафедры в стихах:

*"Трижды бабка – наша П.Б.
Завидуйте все прекрасной судьбе!
Я мы в надежде, коль честно сказать,
Со славной прабабкой ещё поплясать!"*

Все праздники и юбилеи сотрудников проходили на кафедре очень весело, интересно и с юмором. Например, праздновался юбилей нашего сотрудника, милейшего человека, большого моего друга, доцента Владимира Фёдоровича Проскуры. Я во время застолья прочитала ему своё стихотворение, извинившись предварительно, что не могла придумать другой рифмы к его фамилии кроме слова «дура»:

*Я решила сдуру
Попросить Проскуру,
Попросить Проскуру
Починить мне шкаф.
Обещал Проскура
Но, оставил "в дурах"!
Не пришёл Проскура
Починить мне шкаф.*

Где же ты, Володя?
Где ты колобродишь?
С кем ты хороводишь,
Позабыв о нас?
Будешь ждать Проскуру,
Станешь круглой душой,
Будешь круглой душой –
Так сказал мне шкаф.
Жалко мне Проскуру
И себя жаль, дуру,
И, конечно, жаль мне
Сломанный мой шкаф.
Но, теперь Проскуру
Я не жду, как дура,
Вариант нашла иной,
Чинит шкаф доцент другой!

Через некоторое время, перед очередным заседанием кафедры, член нашей кафедры, профессор Андрей Львович Сазонов, пристыдил меня, прочитав свои стихи. В отличие от меня он нашёл 16 рифм к фамилии Проскура!

К Т.Б.Б.

*«Другой я рифмы не нашла»
(Из тоста на заседании кафедры)*

*Нет, Татьяна, Вы не дура!
Старый шкаф из гарнитура
Весь покрытый политурой,
Тот, что должен был Проскура
Протирать специальной шкуркой
Видно вместо физкультуры!
(Здесь для полного ажюра
Вставляю рифму "фурнитура").
Ну так эта процедура
Вам нужна, чтобы Проскура
Знал про Ваши шуры-муры,
Что доцент Вам строит куры!
Ох, уж женская натура!*

Или, например, к юбилейной дате Андрея Львовича Сазонова, у которого день рождения 13-го февраля, но я «ради красного словца» пишу ему послание в стихах в «день влюблённых» 14-го февраля:

*В день Святого Валентина
(ёс опозданием на сутки!)
Я решила Вас поздравить
И совсем не ради шутки!
Почему в день Валентина*

Днём не позже и не ране?
На то – веская причина,
Привожу её заране....
Да не трудно догадаться,
Все же знают, в день влюблённых
Легче нам в любви признаться
Возрастом, обременённых!!!
Если же учесть и возраст,
Хоть "любви покорен он",
Что порыв не в день влюблённых
Показался бы смешон.
Почему же "под сурдинку"
Не признаться Вам в любви?

Вам признанья не в новинку
И от опытной души.
Среди женской вереницы
Всех от ревности кляня!
В "Дон-Жуанский список" нынче
Запишите и меня!
Запишите мелким шрифтом,
Знаю, мест свободных нет!
Запишите сбоку, выше..
Я ЛЮБЛЮ, Я ШЛЮ ПРИВЕТ!!!

Видно, моё послание не оставило равнодушным А.Л., и он опять талантливо мне ответил:

*Шаже послание в день Валентинов!
Азартно опять стучит сердце заснувшее.
Надежды, мечты – и ушло равнодушие!
Ярчайшее солнце – нет тьмы паутины!*

Вот так мы развлекались на кафедре, ну а учебный процесс шел как ему и полагается идти. Всё было, насколько я помню, в порядке. Во всяком случае серьёзных нареканий со стороны начальства и студентов не было. Конечно, в сессию, как и положено, было много двоек, но это говорило о требовательности преподавателей, во всяком случае никто из нас не считался со своим личным временем, и помощь студентам в виде добавочных консультаций и дополнительных занятий всегда была обеспечена.

Мои друзья – сослуживцы
(слева направо - Проскура Владимир Федорович, Сазонов
Андрей Львович)

Итак, мы с Антоном теперь остались одни. Он занимает комнату своего деда в моей квартире на Ленинском проспекте. Отсюда ему удобно на метро ездить в Политехнический институт, да и мне не одиноко, больше того, приятно жить со своим дорогим внуком.

Наступает Новый 1994-ый год. На зимние студенческие каникулы летим с ним в Амстердам. Встречает нас Катя и предлагает нам путёвки на три дня в Париж или в Лондон на выбор. Антону всё равно: он не был в Париже, как и в Лондоне. Я в Париже была уже два раза, так что, если выбор за мной, то конечно Лондон.

Идём оформлять визу в консульство. Катя, протягивая мой паспорт должностному лицу, узнаёт, что у меня в паспорте нет места, куда можно поставить визу в Лондон. Она подходит ко мне и спрашивает, есть ли у меня бумага. «Только в клеточку из тетради» – отвечаю я. Она вырывает лист из тетради, обрезает его по формату паспорта и вклеивает его в паспорт. Все нужные для этого причиндалы в виде клея и ножниц находились здесь же на столах. Я в ужасе: «Катя, они же не поставят визу на клетчатую бумажку, а если и поставят, то меня с таким паспортом в Россию не пустят!» «Успокойся, пожалуйста, им всё равно куда визу ставить, а насчёт России: выдернёшь листок – и как будто не была в Лондоне вообще». Листок в клеточку я, конечно, не выдрала и потом, когда надо было получать новый заграничный паспорт, я с грустью и сожалением прощалась со старым. Этот листок мне говорил о многом, например, в нашем консульстве вряд ли бы поставили визу на вклеенном листке в клеточку. Итак, был выбран Лондон.

Семья Жулиных в Голландии обосновалась в городе Вагенингене. Дня через три Володя отвозит нас с Антошей в Hook of Holland, откуда мы ночью на пароме плывём в Англию в порт Harwich. Рано утром после высадки на берег мы проходим таможенный досмотр. Нас долго не пропускают, допрашивают и

удивляются. Весь разговор ведёт Антоша, я, кроме фразы «I am grandmother» сказать ничего не могу. Вообще-то есть чему удивиться: приплыли из Голландии бабушка и внук с русскими паспортами, без вещей, с рюкзаками, в которых только бутерброды и вода (не иначе, как хотят остаться в Англии!). Спрашивают Антошу, на какие деньги приехали, если на родительские, то где родители и т.д. Наконец, нас выпустили, мы сели в поезд и поехали в Лондон. В Лондоне мы нашли забронированную нам гостиницу, перекусили наскоро своими бутербродами, запив водой, и отправились знакомиться с городом.

Катя нам посоветовала купить автобусную карточку на весь день, это было действительно очень удобно: мы забирались на второй этаж автобуса (обыкновенно верх был пустой, люди в большинстве своём перемещались на короткие расстояния, поэтому высоко не поднимались), мы же там блаженствовали, нам свысока был виден Лондон – и прямо по ходу автобуса, и справа, и слева.

Когда становилось неинтересно, мы пересаживались на автобус с другим маршрутом, и так мы исколесили весь Лондон.

Однажды забыв о том, что я в Лондоне, перед тем как выйти из автобуса я попросила даму, стоящую у выхода: «Простите, Вы выходите?» «Прощаю» – сказала она, смеясь. Разговорились, они с мужем русские, прилетели посмотреть Лондон из Австралии.

В этот первый день мы с Антошей посетили Национальную Галерею. Он сразу потащил меня смотреть «Мадонну в Гротте» Леонардо да Винчи, боясь, что потом оторвать меня от импрессионистов будет невозможно. Наверное, был прав.

Четыре картины Ван Гога, висевшие в Лондонской Национальной Галерее показались мне самыми лучшими из того, что я до сих пор видела у Ван Гога (включая весь музей Ван Гога в Амстердаме).

В этот день мы были ещё в Тауэре и в соборе Святого Павла.

Вернувшись в гостиницу, мы решили перекусить и выпить чаю. У нас был с собою нагреватель, включив который мы что-то там

пережгли и поэтому утром, не дожидаясь положенного завтрака, поспешили поскорей расстаться с гостиницей, чтобы сюда уже больше не возвращаться (поздно вечером мы опять на пароме должны были возвращаться в Голландию). Опять купили дневной автобусный билет и поехали в центр. Катя купила нам путёвки с расчётом на то, чтобы мы посмотрели смену караула в Букингемском дворце. Так и получилось. Это было грандиозное зрелище. Народа было очень много, но всё-таки нам удалось всё посмотреть. В этот день мы погуляли по Гайд-парку, посетили Вестминстерское аббатство, погуляли возле Парламента, видели памятник лорду Черчиллю, затем перешли по мосту через Темзу и полюбовались Парламентом при вечернем освещении. Но пора было возвращаться в порт Харвик, нас ждал паром в Голландию. На другой день утром нас встречали Володя и Катя с Васей. По дороге в Вагенинген мы заехали в Роттердам, погуляли по городу.

В следующие выходные дни Володя предложил нам всем поездку в Бельгию. Выбор был за нами – Брюссель или Антверпен. Я предпочла Антверпен – город фламандского живописца Рубенса. Мы посетили в Антверпене картинную галерею, дом-музей художника и собор, в котором он похоронен. Осталась в памяти великолепная средневековая площадь и замок на реке Шельде.

Потом мы с Антоном ездили в Утрехт, в Гаагу и в Амстердам. Мы обошли много музеев, главные из которых были, конечно, Rijksmuseum (Рембрандт, «Ночной дозор») и музей Ван-Гога (групповой портрет «Урок анатомии» мы видели в Гааге).

**** Глава 6.**

Вскоре мы с Антошей возвратились в Петербург, жизнь наша вошла в обычную колею, но жизнь Жулиных претерпевает изменения. Катю пригласили на два года работать в Америку в Питсбургский университет. Сначала туда летит Катя, затем Володя с Васей. Антон заканчивает 3-ий курс Политехнического института в Петербурге и осенью переходит на 4-ый курс Питсбургского университета, где получит степень бакалавра, и возвратится обратно в Россию заканчивать свой «Политех».

Итак, Жулины с 1995-го года в Америке. Антону учиться там тяжело. Гуманитарные дисциплины, всякого рода письменные сочинения по биологии и истории надо сдавать, стесненно, на английском. У него за плечами английская школа до 9-го класса (затем физико-математическая) и, наконец, обыкновенная английская программа в институте. Он мне пишет подробные письма о своей учёбе в Америке. Пишет, что по истории у него преподаватель – негр, который с удивлением узнал от Антона, что Сталин был грузином. Пишет о своей учёбе, о том что наука, которую он выбрал, несколько отличается от физики, теоретической механики или гидромеханики. Более того, он не уверен, что это уже сформировавшаяся наука, где можно защищать диссертации, что ему надо ещё многому научиться.

В конце письма пишет:

Передай, пожалуйста, привет где-то Андрею, Сереже когда вернутся их. И всё ещё, чья же бабушка: а тебе описал лично, потому что ты у меня просто сметательная бабушка. (Если в тебе это не говоря раньше, то это всё же не оумывает, это и так не душно.) Вот так. Потом ещё напишу письмо, ты помни.

Целую, АНТОН
(самый неблагодарный внук)

Ещё из другого письма из Америки: «Пожалуйста, не унывай и сохраняй весёлое расположение духа и оптимистический взгляд на мир. Вернее, не оптимистический, это не совсем правильное слово... Скорее открытый и радостный. Вот. Это важно, потому что никто кроме тебя у нас в семье этим качеством не обладает, к сожалению». Ну что ж, приятно узнать, что о тебе думают внуки...

Ещё из очередного письма от Антона: «Напиши, пожалуйста, побольше про Усю, когда будешь писать письмо. Если ты едешь с ним на дачу на электричке, я хочу дать тебе совет. Разговаривай с котом во время поездки, потому что ему скучно, и он чувствует себя брошенным. Хорошо бы ещё держать ручки железной сетки так, чтобы крышка не лежала у него на голове. Хотя, в общем-то, это довольно утомительно. Да, пожалуй, можешь не держать. Главное, не забывать говорить ему, что-нибудь вроде «скоро уже приедем, осталось совсем немного». Тогда, вероятно, неприятных дорожных сюрпризов со стороны кота будет существенно меньше».

Антон намекает в письме на случай, когда мы однажды возвращались с дачи на машине, и кота укачало. Уся был на коленях у Антона, и «испортил» хорошие брюки Антону. Я тогда поразились: ни слова упрёка коту, только поглаживание и ласка. Какой человеческой добротой надо обладать уже взрослому мужчине, чтобы так заботиться о животном, самому находясь на другой стороне нашей планеты. Но это наш Антон.

Я, возможно, слишком много уделяю внимания не только Антону, но и нашему коту. Мы его очень все любили и он стоил нашей любви. Кот был чрезвычайно умён. Как-то Катя, войдя на даче в комнату и увидя, что кот лежит на подушке, ровным тоном сказала: «На вышитой подушке?» Уська сполз с подушки и лёг рядом. Котёнком он был взят по просьбе Васи с обещанием последнего, что все заботы о котёнке лягут на него. Котёнок подрос и превратился в красивого кота, не очень ласкового, но кота с большим достоинством. Однажды, встречая меня у калитки, кот повёл меня за дом, всё время оглядываясь на меня, иду ли я за ним. Там лежала задавленная им громадная крыса. Так как крысы живые

и мёртвые наводят на меня ужас, я попросила соседку её захоронить. Надо сказать, что в своё время я сказала Кате, что я живу на даче до первой мыши, до первой крысы. Она и котёнка-то брала от кошки-крысолова.

При переезде в Америку встал вопрос о коте. Я брать отказалась, он очень бы осложнил мою жизнь. Катя сказала: «Придётся усыпить». Антон на это: «Если кота усыпят, я ни в какую Америку не поеду!» Пришлось мне оставить кота у себя. Конечно, я к нему очень привязалась. Он понимал меня с полуслова, он ходил со мной в лес, как собачка. Катя в это не поверила, и в один из своих приездов увидела, как кот с некоторой неохотой по моей команде спускался по мосткам к озеру. Лес он любил, озеро нет. Катя сказала, что я подавляю волю кота, это нехорошо. Отвыкнув от Антоши и Васи за время их отсутствия, кот выходил на их зов только по моему голосу. Кот прожил у нас лет семь. Отлучившись в город на три дня, оставив ему пропитание и договорившись о присмотре за ним, по приезде на дачу я его не застала...

Кот «Уся»

Жить в Америке Жулиным поначалу было нелегко. Работала одна Катя, Володя почти год не мог найти достойной работы. Конечно, ему предлагали работу типа развозить пищу или клеить конверты, но он был вынужден отказываться от таких работ, так как при приёме на должность, которая бы его устраивала, он должен был бы указать род предыдущей работы. И он выжидал и правильно делал, хотя деньги были очень нужны. Васька выходил из себя:

«Папа, тебе предложили работу! Да я бы эти конверты клеил, а ты бы деньги получал, а ты отказываешься!» Кате часто приходилось ходить пешком на работу, а это четыре автобусных остановки.

Им удалось снять подешевле секцию дома на границе с негритянским кварталом. Поблизости была и школа, где Вася подружился с негритянским мальчиком. Я прилетела к ним зимой во время студенческой сессии. Я ходила с ним в его школу, где он получал премию по физике за свою работу. Когда директорша вручала очередную премию чёрной девочке, она чуть ли не приседала в реверансе, но когда приходила очередь получать премию белому мальчику, она вручала её довольно спокойно. Вася меня познакомил с учителем физкультуры, который мне сказал про Васю, что он первый раз встретил русского мальчика, говорящего по-английски без акцента.

В этот первый мой приезд я съездила к ленинградским моим друзьям Карлу и Гале в Чикаго. Город на берегу озера Мичиган мне понравился, особенно его картинная галерея. Я вообще потрясена богатством и количеством собранной живописи в американских музеях, как в государственных, так и в частных. Нам в Эрмитаж привозили как-то картину Клода Моне «Сток сена». Так вот в музее Чикаго – целый зал из «стоков сена» Моне. А какой там Ренуар! Мои друзья возили меня по городу, показали мне «Храм всех религий». Их всего семь на всём земном шаре, второй я видела через пять лет в Израиле в белоснежном городе Хайфе.

Как-то вечером, одевшись в чёрный официальный костюм Катя ушла, сказав, что она приглашена на конференцию в соседний университет им. Карнеги. Вернулась довольно поздно, небрежно

швырнув мне сафьяновый мешочек со словами «На, на тебя это действует!» В мешочке была золотая медаль, вручённая университетом Карнеги за научные достижения.

Длинный английский текст, смысл которого: «Придумано специально для Вас. Ваш золотой медальон сделан с помощью современных технологий, описываются методы технологий, вес 23 карата». Диаметр медали 7 см. В центре круг с эмблемой университета и круговой надписью «Carnegie-Mellon University Pittsburg-Pensilvania 1900».

Недалеко от их дома находился магазин фирмы «Гудвилл». С магазинами этой фирмы я дружна до сих пор. Вскоре я вернулась домой, в Россию начался семестр в институте. Теперь я жила одна, это было непривычно и даже тягостно на первых порах.

*Иногда такая грусть накатит,
И сама не знаешь почему,
Но, зазвонит телефон и Катя,
Словно солнце, разгоняет тьму!*

Но работа искусный лекарь, и конечно друзья помогают справиться с одиночеством. Да и сын мой, Андрей, иногда навещает меня. На работе мне всегда комфортно – и со студентами и с преподавателями:

*Ведь кафедра родной была
В течение многих лет,
Она свидетелем была
И скорби и побед.*

*Спасибо ей! Она всегда
Умела рядом быть,
И что греха таить, невзгоды
С ней легче было пережить.*

Как всегда, отмечаем дни рождения, юбилеи и праздники на родной кафедре. Шуточное поздравление, например, одному из членов нашей кафедры:

*30 лет мы работаем вместе
Такой срок для работы – век,
И должны мы признать без лести
Замечательный ты человек!
Сколько было всего в это время...
Много радостей и потерь.
Приходило новое племя,
Уходили друзья, но поверь
Никогда тебя без улыбки
В коллективе не видел никто.
Джентльмен в отношениях «до нитки»,
Дамам ты подаёшь пальто!
Словом, ты – настоящий мужчина,
Состоящий из мужа и чина.
Чин прекрасный ссудил тебе Бог,
Да и муж – ты, наверно, не плох..
А сегодня в твой юбилей
Мы хотели б обнять поскорей
И сказать: никого нет милей,
Нет красивей тебя, наш Андрей!*

Ранней весной удалось на двенадцать дней вырваться в Италию. Эта туристическая поездка была организована Эрмитажем. В группе было много знакомых по прошлым поездкам. Мы выехали поездом из Петербурга в Варшаву, где пересели на польский автобус, который нас повёз через всю Польшу в Италию. Это путешествие было очень утомительным (ночь в автобусе!). Но когда утром, выбираясь из тоннелей, мы впервые увидели залитые солнцем Альпы – красоту, которую невозможно описать, мы были полностью вознаграждены за все пережитые неудобства. Наш путь был в северный итальянский город Равенну. Я не буду подробно описывать наше путешествие, другие это сделают гораздо лучше меня, но не поделиться своим восхищением мозаикой в Ravenna – Basilica di S.Vitale (V век) при всём своём желании не могу. Потом, в Пушкинском музее в Москве я видела копии этих мозаик, это были «небо и земля», до того копии отличались от оригиналов. Остановившись на ночлег в Римини, мы посетили очаровательную республику Сан-Марино. Следующим был очень интересный городок Ассизи. Запомнился базиликой Святого Франциска с великолепными фресками Джотто и базиликой Святой Клары. Далее был Рим. В Риме нас разместили в доме, построенном Римским Папой для паломников.

Утром отправились в Помпеи, по дороге осмотр великолепного монастыря Монте-Кассино. В Помпеях удивительные фрески, сохранившиеся с начала нашей эры. Но самое восхитительное зрелище было Соренто, которое нам показали со смотровой площадки. Это серебристо-розовое чудо останется у меня в глазах и в душе навсегда. Вечером возвратились в Рим. Два дня мы провели в Риме. Мы объехали Рим днём, останавливаясь во всех памятных местах (нет смысла в перечислении всех соборов, площадей, фонтанов). Мы, конечно, посетили Римский Форум, Колизей, площадь и базилику Святого Петра, музеи на территории Ватикана. Мы обошли центр Рима ночью. Впечатление от Рима – грандиозное. Всего описать невозможно, там надо побывать самому. Но всё-таки главным для меня оказались два события: Сикстинская Капелла с фресками Микеланджело и коллекция скульптур в музее виллы

Боргезе. Я впервые по настоящему восприняла искусство скульптуры, увидев произведения Бернини.

Следующим городом была Флоренция. Автобус остановился на берегу реки Арно, откуда открылась незабываемая панорама города, не говоря уж о том, что смотровая площадка находилась у подножья статуи Давида (копии со знаменитой скульптуры библейского Давида, находящейся в Академии, до которой мы не дошли из-за нехватки времени, потому что на Флоренцию был отпущен всего один день). Только вечером мы вернулись к автобусу, ждавшем нас на другом конце города. Мы обошли все интересные места Флоренции пешком. А это были: уникальный мост Понте Веккио, пересекающий Арно в самом узком месте, знаменитый своими ювелирными мастерскими, Баптистерий – крещальня, посвященная Иоанну Крестителю, покровителю города. Копию одной из трёх дверей Баптистерия (Микеланджелло назвал её спустя 50 лет после её создания «Вратами Рая») русские мастера в начале XIX века отлили и установили на северном входе Казанского собора в Петербурге.

Мы посетили знаменитый кафедральный собор (Santa Maria del Fiore). Он и его колокольня облицованы разноцветным мрамором, от красоты дух захватывает! Мы были в Капелле Медичи – величайшем шедевре Микеланджелло. На крышках двух саркофагов расположены четыре аллегорических скульптуры: «Ночь» и «День» на одном, «Вечер» и «Утро» на другом. Мы были в церкви Санта Кроче, которая стала своеобразным Пантеоном Флоренции. Здесь находятся гробницы именитых людей: Микеланджелло Буонарроти (1475-1564), Никколо Макиавелли (1469-1527), Галилео Галилея (1564-1642), Джоаккино Россини (1792-1868) и пустая гробница в память о Данте Алигьери, который похоронен в Равенне.

Мы гуляли по площади Синьории, самой красивой площади города. В 1498 году на этой площади был сожжён доминиканский монах Савонарола. Об этом можно прочитать на круглой мраморной плите, заделанной в мостовую перед фонтаном Нептуна. На площади Синьории стоит Палаццо Веккио, центр политической и социальной

жизни Флоренции. Ещё на этой площади соседствует с Дворцом знаменитая Лоджия Ланци.

В её арках располагаются многочисленные скульптуры. Далее наш путь во всемирно известный музей – во дворец Уффици. Здесь мы увидели шедевры Боттичелли : картины «Весна» и «Рождение Венеры». Здесь мы увидели «Благовещение» Леонардо, «Святое семейство» Микеланджело и многое другое.

День клонился к вечеру, и мы усталые побрели через весь город к нашему автобусу, который повёз нас на ночлег в Римини, чтобы наутро нас везти через Падую в город мечты моего отца – Венецию. По приезде в Венецию нас ожилала незабываемая прогулка по Большому каналу на речном трамвае. Мы проплывали мимо великолепных дворцов, расположенных по обе стороны канала.

Мы плыли под сказочными мостиками, рядом скользили гондолы, везде было многолюдно и во всём ощущался праздник жизни, по-видимому характерный для Венеции, хотя никакого карнавала не было. Пройдя всю акваторию Большого канала, речной трамвай остановился на конечной остановке, подвезя нас к маленькой площади (Пьяцетте), на которую своей гранью выходил великолепный Дворец дождей. За ним стоял потрясающий своей красотой и богатством собор Святого Марка, а перед собором большая площадь, носящая то же имя – площадь Св. Марка. Описать всю эту роскошь невозможно, надо самому увидеть.

К большому сожалению, мы не смогли попасть во Дворец дождей, но великолепным внутренним убранством собора мы насладились.

Оказалось довольно много свободного времени, и я пошла по берегу лагуны через Мост Вздохов к греческой церкви. Мне очень хотелось посвятить остаток времени пребывания в Венеции памяти моего отца. Ведь ему так хотелось побывать в Венеции, он считал Венецию самым красивым городом на земле, никогда в нём не побывав. Мне хотелось ещё найти то место на набережной, откуда Поленов рисовал свою картину. Я уже писала об истории этой картины, конфискованной у нас после папиного ареста и обнаруженной мной в картинной галерее Нижнего Новгорода.

К сожалению, вернуть картину не удалось. Я нашла приблизительно это место и сделала фотоснимок, сравнив его потом с открыткой, купленной мною в музее. Венеция завершила моё путешествие по Италии. Теперь на склоне лет, побывав за границей во многих местах, спрашиваю себя, какие страны мне более всего оказались интересными? Пожалуй, порядок таков: Италия, Египет, Израиль.

По возвращении домой – студенческая сессия, окончание учебного года, лето на даче. Я хочу ещё раз остановиться и рассказать об одном из своих любимых развлечений. Это я о карточной игре в бридж. Этой игре я обязана встречей с замечательным человеком, ставшим моим большим другом, Татьяной Васильевной Кирилловой. Татьяна Васильевна, профессор геофизики, она уже не работала, была на пенсии.

В бридж играют вчетвером, двое надвое. Это было и есть – приятное времяпрепровождение, несмотря на некоторое недовольство друг другом из-за ошибочных ходов, но всё в конце концов заканчивалось миром. Учитель наш, известный математик, профессор Евгений Сергеевич Ляпин, предупреждал нас с мужем, что в бридже не принято обижаться, если вам скажут, что вы играете, как корова. Позднее я узнала, что за границей слово «корова» заменяют на «половую тряпку». По поводу бриджа я сочинила несколько строк:

*Мы не клянём судьбу, встречаясь с неудачей,
Хотя она, как никогда, права
И неудачник наш далёк от плача -
"Сегодня ты, а завтра я!"
Для нас процесс важнее результата,
Мы радуемся встрече каждый раз.
Мы все в игре не лишены азарта,
Но кое-кто из нас "на всё горазд" !*

Татьяна Васильевна была много старше нас и, к большому нашему сожалению, серьёзно заболев, покинула нас. Мы потеряли большого друга и до сих пор скорбим о ней.

Затем мы, три женщины (Лида, Инна и я) играли с Алексеем Сергеевичем Дубовым, профессором-геофизиком. Сохранились мои шуточные строчки:

*Дважды в месяц перед Вами
Появляются три дамы
Возраст коих – некий ряд,
Если дам считать подряд.
Разность – 5, ответ за Вами.
Не решить Вам без "зелья"!
Потому что этим дамам
Эти годы дать нельзя!*

Бридж

Читатель видит, что я пересыпаю своё повествование кое-где немудрящими, «домоткаными», где-то шуточно-ироническими стишками. Наверняка они не заслуживают критики, но, право, это по моему интереснее читателю, нежели бы я писала о том, при каких условиях интегральная сумма стремится к пределу и что называется

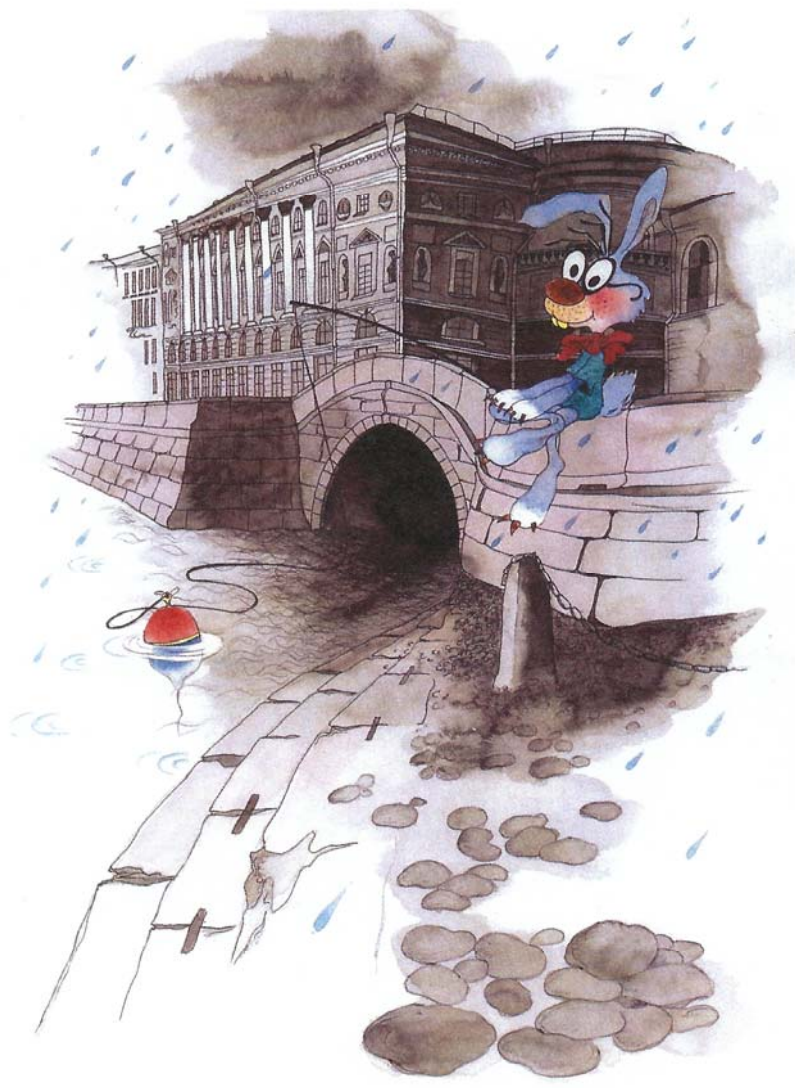
определённым или неопределённым интегралом.

Самое интересное в том, что как только я начала «писать» прозу, у меня совершенно атрофировалась способность придумать какую-либо рифму! Поэтому я кое-что и цитирую из прошлой жизни.

Вот и получается моё жизнеописание некоторой пародией на роман Пастернака «Доктор Живаго».

В феврале 1996 года я напишу своё последнее шуточное поздравление мужчинам нашей кафедры, так как 1-го сентября этого года после тяжёлой операции по поводу холецистита, панкреатита и перитонита («все в одном флаконе») я уйду на пенсию в 67лет с 42-летним стажем работы, проработав на кафедре математики Текстильного института 33 года. Я уйду ещё и потому, что прогрессирует моя наследственная глухота, создающая определённый дискомфорт в моих отношениях со студентами.

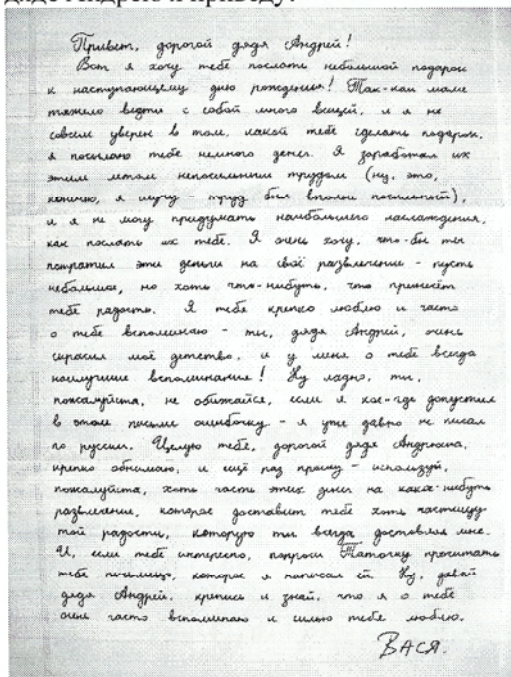
*В спортивный год Олимпиады
С февральским днём поздравить рады
Мы наших дорогих мужчин:
Чтобы жилось им без кручин,
Желаем всяческих им благ,
Не допускать в работе брак,
Начальство, чтоб без укоризны,
Здоровья всем и счастья в жизни,
О кафедре радеть, беречь её, лелеять,
Искоренять плохое, добро сеять,
Собрать хороший урожай
Без сплетен, ссор, чтоб в душах Май
Расцвёл весенними цветами....
О кафедре и мы печёмся сами
Ей от души добра желая
Ведь мы её 1/2! (и притом "лучшая"!)*

** Глава 7.

Следующие три года мне хотелось бы вычеркнуть из своей жизни, если бы это было возможно. Это были годы 1996-1998. Это были годы моей тяжёлой болезни и её последствий, очень тяжелой болезни моего сына Андрея и преждевременной смерти его единственного сына, моего 22-летнего внука Серёжи.

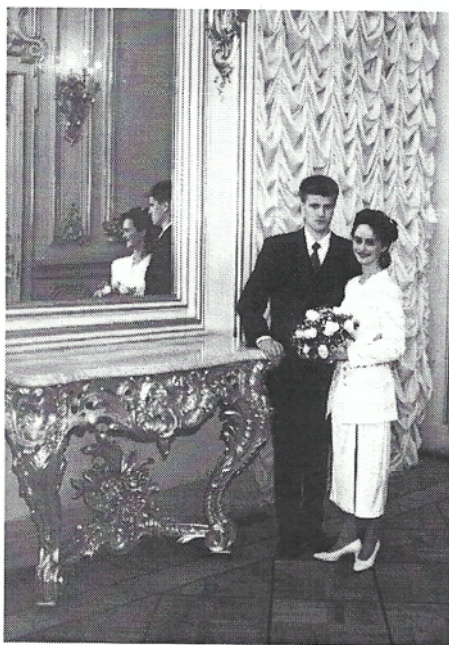
Я не буду описывать подробности этих тяжелых событий, но письмо из Америки моего 14-ти летнего младшего внука Васи, (по инициативе которого и пишется моя книга) моему любимому дяде Андрею я приведу:

За эти годы у моих американцев произошло событие. Мой зять Володя получил постоянную работу, и они купили дом в пригороде г.Питсбурга в 15 минутах езды на машине от его работы.

Дом Жулиных в Америке

Свадьба Антона и Саши

Теперь Кате было сложнее добираться до своей работы, но срок её контракта всё равно вскоре кончался. Дом большой и удобный: три большие комнаты и кухня на первом этаже, пять комнат наверху, внизу гараж на две машины и физкультурный зал. Ко всему этому 16 соток земли. Я не раз бывала гостьей в этом доме, как правило, на Катин день рождения и Рождество, когда вся семья съезжалась.

В эти годы произошло второе важное событие в нашей семье – поженились Антоша с Сашей 6-го декабря 1997 г. Ещё за год до их женитьбы (я видела, что дело идёт к тому) я попросила Антона на своей будущей свадьбе протанцевать со мной вальс, на что он мне ответил, что вальс он танцевать не умеет. «Но ведь ты не сейчас женишься, будет время поучиться!» – сказала я. В результате он станцевал со своей бабушкой вальс на своей свадьбе, но впечатление у меня было такое, как будто он танцевал на ходулях. И всё-таки он мою просьбу выполнил! Вскоре Антон и Саша закончили Политехнический институт в Петербурге и перебрались в Америку, где Антон поступил в магистратуру в Питсбурге.

В ноябре этого года я побывала в Египте. Эта страна произвела на меня большое впечатление, мне стали близкими и понятными стихи Гумилёва:

*Это знает и коршун бессонный,
Что страна эта только река,
Окаймлённая рамкой зелёной
И другой, золотой из песка....*

*Здесь недаром молва сохранила
Поговорку, прошедшую мир:
"Кто попробовал воду из Нила
Будет вечно стремиться в Каир".*

В эти тяжелые для меня годы мои друзья были, как всегда, рядом со мной. У моих близких друзей Евгения Сергеевича и Лидии Ивановны Ляпиных была «золотая свадьба». Мой подарок был очень скромн, какая- то чаша с позолотой и к ней стихи, конечно, собственного производства:

*Я подарила б золото с охотой!
Но... обойтись пришлось лишь позолотой.*

*Я хочу, чтобы полная чаша
Навсегда была спутницей вашей,
Чтобы наши ненастные дни
Были б счастьем и светом полны!*

*Я люблю вас теперь, как и прежде,
Как любила обоих всегда
Я хочу, чтобы сбылись надежды
И чтоб в картах удача была!*

В этом же 1997-ом праздновалось 70-летие Игоря Леонидовича Кароля, моего друга детства. Он пару лет тому назад овдовел. Его жена Нина была моим большим другом. Она в своё время очень помогала справляться мне с моим горем (потерей мужа), определив меня сначала на курсы вязания, ходила на них со мной, хотя перед этим сама их закончила, купила для нас обеих в лектории абонементы «Столицы Европы». Отвлекала меня от скорбных мыслей, как могла. Спасибо ей за это большое. Мы с моей дочерью Катей были у него в гостях и я подарила ему стихи:

*Золотую Осень мы с надеждой спросим:
Расскажи нам, Осень, как нам дальше жить?
Как нам быть со счастьем?
Как нам быть с несчастьем?
Как же нам с надеждами на будущее быть?
И ответит Осень, раз её мы просим:
"Радуйтесь! Терпите..." - скажет нам она
"И в своих надеждах главное учтите:
Золотая Осень – ЕЩЁ НЕ ЗИМА!"*

В 1999 году празднуется мой юбилей, мне 70 лет. Мой сын, художник-математик, преподносит мне шокирующую картину, говоря при этом, что он постарался создать мой образ. Я взмолилась: «Андрей, помилуй! У меня никогда не было такого огромного бюста, хотя я им и вскормила тебя!» На это он мне: «Я попробовал его уменьшить, но твой образ не получился». Интересно, неужели, чтоб отразить мой «радостный» (по выражению моего старшего внука) характер, понадобилось изображение «молочной фермы»?

Норвегия. Фьорды

В июле этого года плыву на пароме из Финляндии в Стокгольм, далее автобусом в Осло, Берген, незабываемое плавание по фьордам, далее Дания, Стокгольм и обратно. В Норвегии самым интересным для меня (кроме фьордов) был город Берген, родина композитора Грига.

Там его поместье, там его дом, там его могила, вырубленная в скале. Неподалеку от дома, внизу на берегу небольшого озера стоит маленький домик, в котором помещается только рояль. Всю свою музыку он написал здесь, в полной тишине. По дому была экскурсия, у порога я вскрикнула: на противоположной стене висел портрет Грига. Я угадала кисть немецкого художника Лембаха и успела сфотографировать портрет до того, как ко мне подошли и сказали, что фотографирование запрещено. Потом экскурсовод рассказал, что этот портрет был написан другом Грига, художником Лембахом. Угадала я потому, что у папы в его довоенной коллекции картин был портрет певицы Зембрих, солистки Мариинского театра в течение 18 лет, кисти Лембаха.

Новый год, 2000-ый, праздную в семье дочери в Америке. Читателю, возможно, будет интересно, на какие деньги, я, пенсионерка, разъезжаю по свету. Конечно, в Америку меня ежегодно приглашает и всё оплачивает семья моей дочери, ну а расходы на путешествия идут за счёт продажи дорогих вещей, в том числе и картины Лембаха, которая в настоящее время висит в Петербургском Театральном музее возле Александринского театра на улице Зодчего Росси. Кроме того, в мае и до середины июня я имею право, как житель блокадного города, на бесплатный авиабилет в пределах России и в некоторые зарубежные страны.

В марте этого года мы втроем, я с приятельницей и мой друг Игорь Кароль, летим на две недели в Израиль. Страна, где на маленьком клочке земли сконцентрировались три главных религии мира – христианство, ислам и иудаизм, безусловно, представляет большой интерес. Мы побывали у Гроба Господня, осмотрели две главные метечи в центре Иерусалима, были у Стены Плача в еврейском квартале. В эту Стену Слёз, как её по другому

называют, желающие засовывают записочки с просьбами Господу Богу. Лично я считаю, что Бог один для всех людей на земле, только религии разные. Конечно, и я засунула записочку с просьбами. Просила за Катю и её семью, за Андрея, «и не забудь про меня», как просит Окуджава в своей молитве.

В записке написала ещё так: «Боже, я всё прошу у тебя – научи, как отдать!» Не успела я отойти от Стены, как меня «осенило».

Я же могу отдать свой труд и знания людям бесплатно, что я с той поры и делаю.

У меня на лестничной площадке живёт женщина, которая мне в своё время очень помогла. Она брала к себе моего кота Усю на время моих отлучек в Америку. Она еврейка и как-то меня пригласила на концерт в еврейский клуб Хэсед. Там работает группа волонтеров, и я обратилась к ним со своим предложением бесплатной помощи по математике людям малообеспеченным.

До сих пор я предлагала свою помощь санитаркам в поликлинике и в своём доме. Неприлично говорить о своих содеянных добрых делах, но я это рассказала «к слову». Надо сказать, что я это делала и делаю с большим удовольствием, такая работа мне приносит удовлетворение, сознание того, что помогая таким образом людям, я не зря топчу землю. Так что не уверена, кому это больше нужно – им или мне, тем более, что эта работа позволяет не забывать мне самой всё то, чем я занималась всю свою жизнь.

Из Хэседа мне прислали мальчика семиклассника, потенциального второгодника. Мальчик был не глупый, но нахальный. Считал, что учителя все дураки, только он один умный. Я какое-то время с ним занималась, вправила ему мозги и вывела в «хорошисты». После этого в Хэседе мою фамилию занесли в компьютер, и я стала пользоваться некоторыми благами, например, была включена в бесплатную группу по изучению английского языка. Я хожу туда по понедельникам уже несколько лет, группа из 10 -12 человек, все приятные, милые люди. Осваиваю ли я этот язык? Только в первом приближении. Зачем он мне? А вдруг на тот свет не пустят без элементарных знаний английского? Надо же чем-то заниматься. «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и

ночь...» В Хэседе я познакомилась с Александром Григорьевичем Левиным. Он инженер – горняк, вместе с этим пишет стихи, которые по всем параметрам лучше моих, например, такие строчки:

*Еврейства в нас осталось малость:
Имён нездешних злая вязь,
Да неизбывная курчавость,
Да душ таинственная связь.*

*Мы пьем не хуже Иванова
(страны знакомые черты),
Нам близко матерное слово
И с салом мы давно «на ты».*

*Но из глубин тысячелетий
Глядит с укором царь Давид:
«Ну что за нравы, что за вид,
А ж не хватает междометий!»*

В ноябре этого года я на две недели поехала в Испанию. Это была очень интересная поездка: неделя по Испании, неделя отдыха близ Барселоны. Начало и конец путешествия – Барселона. Самое приметное здание здесь – собор Святого семейства. Создатель собора – Антонио Гауди, испанский архитектор, работавший в Барселоне. Он умер, так и не закончив собор, похоронен внутри него. В Барселоне удалось посетить выставку графики Франсиско Гойи, включающей серию офортов «Капричос». Главная улица Барселоны – Рамблас. В переводе с испанского «рамблас» означает «бульвар». Бульвар начинается с площади, на которой стоит лицом к морю памятник Христофору Колумбу. На самом Бульваре стоят всевозможные серебряные статуи – Дон-Кихота, Санчо Пансы и т.д. Это живые фигуры,

часами стоящие неподвижно. Вечером нас повезли на незабываемое зрелище: пожар из многоцветно подсвеченных фонтанов.

Далее была Валенсия, запомнившаяся своим собором в готическом стиле. Затем Гранада. Монументальный ансамбль Альгамбры, за пределами которого находится Хенералифе – летняя резиденция мусульманских правителей, утопающая в пышной зелени садов со всевозможными фонтанами и искусственными водоёмами. Христианская культура представлена в Гранаде Кафедральным Собором и Королевской капеллой в стиле поздней готики.

Следующим городом была Севилья, стоящая на берегу Гвадалквивира. На самом берегу реки высится Золотая башня, стены которой, согласно легенде, некогда были покрыты золотой мозаикой. Вторая башня под названием Хиральда стала тоже наряду с Золотой башней символом Севильи. Хиральда входит в ансамбль севильского кафедрального собора, сооруженного на месте бывшей главной мечети, от которой сохранился лишь дворик Апельсиновых деревьев. Внутри собора Алтарная капелла, украшенная великолепным иконостасом, оригинальный мавзолей Христофора Колумба. Интересно было посмотреть на табачную фабрику, на которой работала Кармен, героиня повести Мериме. Вечером нас повезли смотреть национальный танец «фламенко».

Дальше путь в Мадрид через Толедо. При подъезде к Толедо нас, едущих в автобусе, попросили на три минуты закрыть глаза. Когда мы открыли глаза и вышли из автобуса, нам открылся потрясающий вид на Толедо. Весь город лежал у нас под ногами. Возвышались два здания : большой четырёхугольный замок – крепость Алькасар и величественный собор. Приехав в Толедо, мы убедились в том, что это уникальный средневековый город, ставший родиной для великого художника Эль Греко. Мы ходили по его узким улочкам, подходили к дому Эль греко. К сожалению, дом-музей был закрыт на реставрацию.

Далее были Мадрид и Сарагоса. В Мадриде, кроме всех красот и памятников Лопе де Вега, Сервантесу и его героям, были музей

Прадо, где более ста полотен Гойи, много картин Веласкеса, шедевры Рибейры, Мурильо, Эль Греко, и Музей современного искусства, где выставлена знаменитая картина П. Пикассо «Герника» и большое собрание картин Сальвадора Дали.

В Сарагосе великолепный собор, с расписанным Франсиско Гойей куполом. Завершив классический круг по Испании, провожу неделю в окрестности Барселоны на побережье, совершая однодневные экскурсии вокруг. Испания не понравиться не может!

«Шемаханская царица»

**** Глава 8.**

В Петербурге 2000-ый год провожали и встречали 2001-ый год очень торжественно, наступал XXI век. Мы решили с моим другом Игорем Леонидовичем Каролем, встречать этот особенный год, как и многие, в основном молодые петербуржцы, на дворцовой площади. В боковом кармане у Игоря была фляга испанского коньяка, к которой мы прикладывались время от времени. Народа на площади было очень много, на разведённом мосту большим экраном показывали кино, как вдруг от горящих петард загорелась знаменитая арка с колесницей. К счастью пожар был быстро ликвидирован. В ликующей толпе народа было весело, были не только молодые. Незнакомые люди друг друга поздравляли, чем-то всё это напомнило празднование окончания Отечественной войны. Мы себя почувствовали более молодыми и более причастными к своему городу, к своему народу. Тут же на площади я подарила Игорю красивое новогоднее поздравление на котором были изображены два бокала с золотым шампанским, а внутри вкладыша мои стихи:

*Пусть всегда бокалы эти до краёв будут полны,
Пусть здоровы будут дети, внуки на гребне волны...
Новым Веком (краешком) наша жизнь пополнится
Разведёт ли нас судьба, эта ночь запомнится!
Мы с тобой, как эти два полные бокала,
Наши годы – не беда, лишь бы хворь пропала...
Мы не молоды с тобой, жить бы осторожно...
Будь здоров мой дорогой, счастлив, сколь возможно!*

Игорь – друг моего далёкого детства и военных лет, дружба с которым и его семьёй не прекращалась в течении всей нашей жизни. Сейчас, когда мы оба овдовели (сначала я, потом он), наша

дружба особенно дорога, мы друг другу «помогаем жить», как я однажды объяснила наши отношения своему внуку Васе.

Ему сейчас 82 года, он до сих пор «в седле», работает в двух местах: профессор ЛГУ и старший научный сотрудник Главной геофизической обсерватории. Он очень занят, но мы частенько ходим в театр и на выставки. Завтра, в воскресенье, например, едем на экскурсию в Тихвин на целый день. Летом, почти каждый год куда-нибудь выбираемся недели на две. Мы оба как ветераны Отечественной войны пользуемся некоторыми льготами в отношении авиационных билетов.

В 2005-ом году летали на Камчатку, в 2006-ом году на Байкал, в 2007-ом году на Кипр, в 2008-ом в Болгарию, в этом 2009-ом, если будут бесплатные полёты (для льготников, как в прошлые годы) и если будет бесплатный маршрут до Красноярска, мечтаем проплыть по Енисею до Ледовитого Океана.

Байкал

Камчатка. Сопки

Гейзеры на Камчатке

Мне посчастливилось в жизни: у меня три друга, три Игоря. Второй мой друг – это Игорь Васильевич Жулин, мой сват – отец моего зятя Володи. Он проработал в течение 50 лет на заводе «Электросила» в качестве ведущего инженера. Игорь Васильевич – моя «палочка-выручалочка». Я не знаю, как бы я жила и справлялась со своими бытовыми невзгодами без него. Все мои близкие – теоретики: муж, дочь и сын. Правда, когда что-то позарез надо было починить по хозяйству, муж с трудом это делал и при этом шутил, что он только хорошо понимает в поломке туалетов, так как это по его специальности, всё-таки он профессор гидромеханики. Но однажды в Пярну он вставил замок в дверь квартиры, снятой на лето нашим другом профессором математики Е. С. Ляпиным, и после этого Евгений Сергеевич смотрел на моего мужа, как на бога! Моя Катя вряд-ли починит утюг, хоть она тоже доктор физ.-мат. наук, а мой Андрей, будучи ещё студентом и выбрав своей специальностью теоретическую радиофизику, попросил у родителей разрешения разобрать торшер. Мы разрешили, торшер был разобран, но собрать обратно он его так и не смог (возможно, оказались лишние детали), так торшер и стоит благополучно неработающим до сей поры.

В конце этого года Игорю Васильевичу исполнилось 75 лет. Уже несколько лет, как наши дети справили серебряную свадьбу, а на «ты» Игорь Васильевич переходить не хочет, но это не мешает нашей дружбе. Я его поздравила своими, как всегда, «домотканными» стихами:

*В жизни сложной, такой запыленной
Набежал ещё годик непрошенный...
Говорят, что мудрее с годами
Мы становимся вместе с вами.*

*Почему – же мы всё-таки мучимся,
На чужих-то ошибках не учимся?*

*Но, сегодня разбор не годится
Ведь всего-то "п" лет назад
Человек превосходный родился,
Что хороший, то бьюсь об заклад.*

*Хоть встречаете редкую дату,
Слово "старость" никак к Вам не клеится!
Понесли не одну Вы утрату,
Жизнь, она ведь неровно стелется...
Хоть и многим пришлось поступиться,
(И погоды-то нет без ненастья)
Жизнью прожитой можно гордиться,
Заслужили Любовь Вы и Счастье!*

Третий мой друг Игорь – Игорь Иванович Ендовицкий, ныне покойный. Мы познакомились с ним и подружились с первых дней моего устройства на работу в Ленинграде на кафедру математики Текстильного института и проработали бок о бок в течении 33 лет. Наша тесная дружба продолжалась вплоть до его безвременной кончины в ноябре 2005-го года. Получается сороколетняя дружба.

Жулин Игорь Васильевич и я

У нас было очень много в характере и во вкусах общего. Мы оба обожали Есенина. Он знал мою любимую поэму «Анна Снегина» всю наизусть. Наши дачи находятся в одном посёлке на

Приозёрском направлении, и мы часто с ним даже зимой ездили туда и там на скамеечке возле нашего великолепного озера читали наперебой стихи нашего кумира. Его жена Альбина, не любила, да и не могла из-за ежедневной изнуряющей работы ездить с нами, она работала врачом-офтальмологом в поликлинике, известно, что такая специальность врача – самая востребованная среди населения.

Специфика нашей работы позволяла нам с Игорем выбираться за город по будням. Игорь очень любил и жалел свою жену, я никогда среди своих друзей не встречала более нежной пары, и я с благодарностью вспоминаю его оценку нашей с ним дружбы, когда он говорил о том, что я – второй человек для него после жены.

Для студентов Игорь Иванович, доцент кафедры математики, был «грозой», для сотрудников просто Игорь и в сущности это был очень скромный человек с нежной душой, имеющий пристрастия к своим дифференциальным уравнениям, к «большому» теннису, к поездкам на дачу, на природу. Но, наверное, главным для него была нежнейшая и заботливая любовь к своей жене.

Для меня же он был «палочкой – выручалочкой» № 2. Я всегда могла проконсультроваться у него по всем вопросам математики, для меня это было очень существенно, так как я в ту пору жила одна, ни всезнающего моего мужа, ни умных моих детей рядом со мной не было.

К какому-то Новому году я написала ему поздравление с эпитафией из слов Анны Ахматовой «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...» :

*Наверно, сор не тот и голова не та...
Для друга верного придумать не могу
Двух строк... Сплошная маята!
Такого, не желаешь и врагу!
Я хочется сказать и то и это,*

*(И "this and that") и многое ещё...
Ох, трудно мне, не будучи поэтом,
В талантах явный тут просчёт.*

*Но в Новый Год поздравить надо
И, несмотря на потуги свои,
Всем сердцем я тебе, Горюха, рада
Желать здоровья, счастья и любви !*

*С тобою годы дружбы я коплю,
И накопила... жизни половину,
Теперь скажу, что я тебя люблю...
И буду "продолжать", пока ... не сгину!*

К большому сожалению, этот светлый человек ушел раньше меня.

Новый 2001-ый год запомнился поступлением Васи в Стенфордский университет в Калифорнии. Вася, как впрочем и все мои дети и внуки в отличие от меня, учился в школе очень хорошо. Из 300 учеников, окончивших школу по месту жительства, он был по успеваемости в первой девятке, а в этой девятке на 3-ем месте. Поэтому несколько американских университетов готовы были его принять.

Ендовицкий Игорь Иванович и я

Вопрос, куда поступать, решался без Кати, которая в это время была в России, и помню, что Катя была недовольна выбором Володи и Васи, так как поступление в университет в своём штате обошлось бы значительно дешевле, если не вообще бесплатно.

Но Володе нужно было, чтобы Вася получил самое лучшее образование в Америке, и Васины родители – молодцы, «выдюжили». Вася поступил и через три года закончил (на год ранее положенного) один из лучших университетов Америки – Стенфорд, выйдя оттуда бакалавром. Затем проработал два года в фирме IBM. Сейчас Вася кончает по-нашему магистратуру, по-американски – получает диплом «мастера» в университете г. Беркли.

В мае этого года в мой день рождения мой большой друг (везёт мне на мужскую дружбу) Владимир Фёдорович Проскура, доцент нашей кафедры, сделал мне драгоценный подарок. Он, не стесняясь присутствующих гостей, встал и первый предложил тост за моё здоровье с такими дальнейшими словами «Мне 75 лет, я уже всё могу сказать, что хочу: я Вас люблю». Конечно, его слова не были новостью для меня, женщина всегда знает, кому она нравится.

Но такая определённая и мне была внове, тем более что эти слова были сказаны не в шутку. У всех, сидящих за столом, немного «отвисла челюсть», а я подошла к нему и поцеловала его.

Не всякой женщине, в её 72 года, достаётся такой роскошный подарок.

Осенью летала в Турцию на две недели. Страна произвела хорошее

впечатление; красивая природа, много интересных мест для экскурсий.

**** Глава 9.**

2002-ой год знаменит появлением на свет моего правнука Максима. Он родился 28-го апреля в Лос-Анджелесе. В этом же году Катя получает приглашение поработать весной во Франции, в Гренобльском Физическом институте и приглашает меня на пару недель приехать к ней. Прилёт к ней в Гренобль дал мне возможность побывать на границе со Швейцарией, а также в Лионе, в Авиньоне, проехать по Лазурному берегу, повидать Канн, Ниццу, Монте-Карло. Конечно, самое живописное из всех перечисленных мест – это Монте-Карло.

2003-ий год был очень тяжёлым для меня, нестерпимо болела нога в тазобедренном суставе – последствие автомобильной катастрофы, произошедшей в 1974-ом году. Встал вопрос об операции – замене старого сустава новым. В середине октября меня оперировал профессор Неверов (дай, Бог, ему здоровья!)

Операция – тяжёлая, длилась четыре часа, две недели я пролежала в больнице, за мной ухаживала Катя, специально приехавшая из Америки. Лежала я в отдельной палате со всеми удобствами, правда, Кате было очень неудобно спать на маленьком диванчике. 31-го октября Васеньке исполнилось 20 лет, мы отпраздновали его день рождения в палате, я лёжа... Но у нас с Катей гости были. Пришли два Игоря: Игорь Васильевич Жулин – Васин дедушка, и Игорь Леонидович Кароль.

Я в подарок Васе написала в больнице стихи, которые ему были отправлены потом по электронной почте.

*Обидно, что для всех пишу,
И рифмы сами стелются,
А для родного самого
Как назло, черт, не клеится!...*

*А человеку 20 лет! Ведь вот какая штука...
Итак много хочется сказать, и всё в слова, в слова облечь
И всю свою любовь привлечь, чтоб в рифмы всё это запрячь
И покатить...*

*Да вот беда! Вместо Пегаса запрягли осла!
И вся замышленная штука пропала... Экая проруха!
Высоким слогом поздравить хотела,
Но не смогла, увы, не сумела...*

*Но Васенька, Вася! – мой друг дорогой
В тебе есть кусочек души моей нежной.
Ты первый в семье меня Платой назвал
И был моим внуком самым прилежным.
Нам вместе с тобою было легко,
Друг друга всегда понимали...
А в карты тебя обучила давно
К шести уже в бридж мы играли!*

*Теперь тебе 20! И это – веха.
Ты многое сделал, горда за тебя.
Путь твой уверен, и вряд ли помехи
Тебе помешают в создании себя.
Добра и любви, и удачи желаю
Успехов, карьеры, а счастья "без дна"!
Как крестная мать благославляю
Тебя в своих мыслях, пока я жива....*

После двухнедельного пребывания в больнице Катя на «скорой помощи» привезла меня домой и, забив продуктами мой холодильник, снабдив меня «ходунками», палкой и костылями, через три дня улетела домой, так как её ждала работа.

Теперь иногда приходил Андрей. Через месяц я уже ходила на костылях с маленьким рюкзачком в магазин и была вполне самостоятельна.

Ничто и никто так хорошо не лечит, как время... Со временем все стало на свои места, и вот прошло уже 6 лет, на смену пришли другие болячки, но тазобедренный сустав меня больше не беспокоит.

Новый 2004-ый год мы встречаем с Игорем Каролем. Он только что вернулся из Франции с очередной научной конференции, захватив оттуда к Новому году бутылку французского шампанского, так что:

*Год Зелёной обезьяны
Мы встречаем у Пятьяны.
Нам приятно и легко
Будем пить "Вдову Кликс"!*

В этом году я в начале июня лечу в Америку. Я впервые увижу Америку летом. Дело в том, что я лечу на празднование Васиного окончания Стенфордского университета. Я специально лечу в Нью-Йорк, чтобы повидаться со своими американскими друзьями, мимо которых я обычно пролетаю, когда лечу в Питсбург в семью моей дочери. В этот раз мне сначала повезло. Повидав своих друзей, я сумела попасть на выставку картин Модильяни, куда были привезены его картины со всех уголков нашей земли. Это было очень интересно. Ещё кроме The Metropolitan Museum of Art, я побывала в частном музее Брика, где мне очень понравились картины Вермеера.

А вот дальше мне не повезло, вернее, не столько мне, сколько моему зятю Володе. Из Нью-Йорка я в целях экономии поехала в Питсбург автобусом и на последней остановке перед Питсбургом

не обратила внимания на объявление по радио о том, что автобус отправляется ранее того времени, что указано в билете, в целях навёрстывания упущенного времени, чтобы во время прибыть в конечный пункт. Оказывается, в Америке это допустимо. Если бы я и прислушивалась к радио, я бы всё равно не поняла, о чём идёт речь, из-за плохого знания английского языка.

Так или иначе, автобус ушел, а я осталась. В довершение всего это был последний автобус в этот день. С трудом я дозвонила Кати и бедный Володя после трудного рабочего дня в плохую погоду вынужден был вести машину 350 км до меня и обратно 350 км до дома. Часам к восьми вечера они приехали за мной и, к чести моего зятя, я не услышала ни одного слова неудовольствия с его стороны, а только объятия и поцелуи! Таков мой зять, не лишенный некоторых недостатков, кои присущи каждому из нас смертных.

Мой зять Володя и я

Через пару дней мы с Катей улетели в Лос-Анджелес, Володя присоединился к нам попозже. Моему прелестному правнуку Максиму уже 2 года и он счень огорчён был нашим отъездом. Володя взял на прокат машину в Лос-Анджелесе, и мы втроём Володя, Катя и я – покатали на север в сторону Сан-Франциско, не доезжая до которого в небольшом городке Сан-Хосе находится Васин университет. Стенфорд – один из лучших университетов Соединённых Штатов Америки. По дороге туда Володя завёз нас в знаменитую уникальную рощу из гигантских деревьев до 100 метров высотой 6-10 м в диаметре. Это мамонтово дерево – секвойя. Секвойя доживает до 2, иногда до 4 тысяч лет.

Мы приехали только к вечеру в Сан-Хосе и, заночевав в гостинице, утром отправились на праздник по поводу окончания университета и вручения новоиспечённым бакалаврам дипломов. Праздник проходил на университетском стадионе. Всё происходило очень торжественно, в средневековом стиле, остались фотографии.

Обратно в Лос-Анджелес мы ехали вчетвером, прибавился Вася. Володя специально для меня поехал через Сан-Франциско, чтобы показать мне город и знаменитый Золотой мост. В Лос-Анджелесе мы ещё прожили два дня у гостеприимных Антоши и Саши, которые возили меня в два частных музея, где экспонировались полотна Мане, Ренуара и Ван-Гога такого качества, какого мне не приходилось видеть до тех пор. И конечно, ездили купаться на Тихий океан. Прибой был такой силы, что без помощи Антоши и Васи я не смогла бы выйти на берег.

Бакалавр

Тихий океан

Через год мне доведётся опять купаться в Тихом океане, только с противоположного его берега, с русского берега Камчатки. В отличие от американского ярко-оранжевого пляжа и бурного прибоя, там будет тёмно-серый пляж (от пепла сопки), называемый «Чёрным пляжем» и абсолютно спокойный океан, только гораздо будет холодной вода в нём, хотя время будет тоже самое – июнь.

Эти два события (купание в одном и том же океанском резервуаре), произошедшие со сдвигом в год, но в одно и то же время года, оказались противоположными как по окраске, так и по настроению. В связи с этим я вспомнила из далёкого детства одну балладу Шиллера. Эта баллада о самом Шиллере и его родном брате. В какое-то время они оба решили совершить кругосветное путешествие, но не вместе, а навстречу друг другу. Стартовали из одного места и разъехались в разные стороны, уговорившись об одинаковом маршруте, с посещением одних и тех же мест. Путешествие заняло год, через год они встретились в исходном пункте. Далее Шиллер спрашивает брата:

*Hast du das Schloß gesehen,
Das hohe Schloß an Meer?
Golden und rosig wehen
Die Wolken drüber her...*

*Видел ли ты замок,
Высокий замок над морем?
Золотые и розовые облака
Реяли над ним...*

Я не помню дальше текста по-немецки, а сборника баллад Шиллера у меня под рукой нет, но я помню, что дальше продолжался рассказ о том, что из залов замка лилась на всю окрестность замечательная мелодичная музыка, и Шиллеру подумалось, что в замке, вероятно, свадьба.

Его брат (в моём переводе) отвечал так: «Да, я видел этот замечательный замок, но тучи заволокли небо, так что никаких золотых и розовых облаков я не видел, а из залов замка лилась траурная музыка...» Почему-то у меня возникла в сознании такая параллель.

В этот раз мой отъезд, как и приезд, не обошелся без приключений. Видимо, Володя сказал Кате, чтобы Татьяна Борисовна больше не экономила и автобусом, который идет от Питсбурга до Нью-Йорка 9 часов, не ездила. Такая экономия себе дороже! Я, как правило, в Америку летаю на срок не более месяца. Так вот, Катя предложила мне лететь из Питсбурга в Нью-Йорк. Дескать, она нашла по интернету дешёвый билет, только я должна иметь в виду, что у меня будет всего 40 минут для переезда с одного терминала на другой. Я ей говорю: «Срочно покупай, я теперь язык английский немного знаю, объясниться сумею, всё будет в порядке». Катя мне: «Смотри, опоздаешь на самолёт! За 40 мин. трудно уложиться, ведь это ещё надо автобусом переезжать на другой терминал, найти нужную кампанию и успеть зарегистрироваться». Я: «Бери, я всё успею!»

Словом, билет был куплен, и я полетела. Вместо тоскливых 9 часов езды на автобусе, всего полтора часа лёта. Я выскочила с чемоданом из небольшого самолётка и скорее в зал терминала,

чтобы спросить у дежурного, как пройти на остановку автобуса. Дежурным оказался мощный негр, который хорошо понял мой заготовленный вопрос, но увы, то, что он мне ответил, я абсолютно не поняла! Я попросила его показать руками нужное мне направление, что он и сделал. Я нашла остановку, но пришлось ждать автобуса минут 15, да и ехал он минут 15 до нужного мне терминала, останавливаясь по пути, выпуская и впуская пассажиров.

По прибытии на нужный терминал я была в отчаянии. Куда бежать? Где финская кампания, в которой мне надо зарегистрироваться? У меня не более 5-7 минут до отлёта самолёта на Хельсинки! И тут, я слышу «благословенный» русский мат!

Двое здоровых парней и с ними девушка проносятся мимо меня. Я понимаю, это моё спасение. Я бегу с чемоданом за ними, благо чемодан на колёсиках. Мы успеваем к стойке, регистрируемся и проходим в самолёт. Я оказываюсь сидящей рядом с девушкой, за которой бежала. И я, которая успела сесть в самолёт благодаря им, уже менторским тоном выговариваю этой девушке: «Девушка, ну как Вам не стыдно, парни матюгаются, а Вы с ними». Она мне: «Они – знаменитые наши спортсмены, другого языка они не знают». Возможно, и вылет-то самолёта из-за них был задержан.

Мне довелось ещё раз побывать в Лос-Анджелесе (кстати, его побережье чем-то напоминает Сухуми). Это случилось пару лет назад, когда Антоша и Саша купили новый дом. Я, как и в прошлые годы, прилетела в Питсбург зимой на Катин день рождения.

Это уже был 8-ой или 9-ый мой прилёт в Америку. На этот раз Антон и Саша сделали мне рождественский подарок в виде приглашения к себе на новоселье, оплатив перелёт из Питсбурга в Лос-Анджелес и обратно. Я помню, мне мама рассказывала, что у неё в детстве была кошка, которая очень любила маму, и каждую пойманную мышку она приносила маме в кровать в качестве подарка. Вот и мой дорогой внук Антоша принёс мне свою заработанную «мышку».

Какие же они молодцы с Сашей, если к своим 33 годам без посторонней помощи, хоть и в кредит, обзавелись своим домом, да

ещё каким, да ещё в Калифорнии, где самая дорогая земля в Америке, да ещё в Лос-Анджелесе. Дом и особенно место, на котором он построен, привели меня в полный восторг! Дом стоит на вершине холма, и из садика открывается великолепный вид на холмистые просторы

Лос-Анджелеса, особенно при закате солнца. И при всём при этом Голливуд в 15-20 минутах, а океан в 40 минутах езды на машине.

Дом одноэтажный, в Калифорнии потряхивает, как и в Японии, с которой Лос-Анджелес на одной географической широте. Ну,

а в саду - роскошное апельсиновое дерево, ещё одно гранатовое и одно мандариновое, а также несколько лимонных. Розы цветут круглый год, в садике декоративный деревянный японский мостик, по которому можно ходить.

Но главное, конечно, в этом доме – это мой дорогой правнук Максим, который очень подрос со времени нашего последнего свидания. Какая же я уже старая, если мой правнук – школьник !

Я и Максим

Последнее моё возвращение из Америки в Россию тоже не обошлось без приключений. Это было в 2008 году, в год «крысы». Я в Америку прилетела с повреждением мениска после своего лечения компрессионного перелома позвоночника в санатории. За месяц пребывания в гостях боль в колене усилилась, и так как билет был взят без права обмена, Катя накануне моего отлёта отвезла меня в клинику, где мне, выкачав из колена большой шприц жидкости, сделали укол в сустав. Проводив меня до аэропорта в Питсбург, она организовала мне инвалидную коляску и, вручив мне паспорт и посадочный талон на самолёт до Нью-Йорка, забыла отдать мне сам билет. А я тоже хороша – на это не обратила внимания. Катя обнаружила этот билет только через 4 дня у себя в сумке. Можно представить моё положение и настроение, когда я обнаружила отсутствие билета. Я ещё раз убедилась, что свет не без добрых людей, и когда русская женщина из Петропавловска-Камчатского, каким-то чудом оказавшись регистраторшей билетов финской авиакомпании в нью-йоркском аэропорту Кеннеди, посадила меня в самолёт на Хельсинки, я возблагодарила от всей души Господа Бога. «Господи!» – сказала я, – «я перелечу через океан на другую сторону планеты, а уж там я и ползком доползу домой». Но, видно, моя благодетельница сообщила в аэропорт в Финляндии, и у меня там билета не спросили, посмотрев в компьютер. Так что в конце концов всё хорошо закончилось.

**** Глава 10. Эпилог**

Я заканчиваю свою повесть, которую начала писать по просьбе своего внука Васи в год окончания им университета в 2004 году.

И заканчиваю повествование о своей жизни этим же годом.

Последующие четыре года были мало интересны для меня, разве что посещение Камчатки и Байкала, которые для меня оказались гораздо интереснее Карловых Вар, Кипра, Турции и Болгарии, увиденных мной в эти же годы. Сейчас на дворе 2009 год.

Через несколько дней мне исполнится 80 лет. Это «торжество» произойдёт, (если я доживу до того времени), в ресторане, самой мне уже не под силу принять значительное количество людей в домашних условиях. Думаю, что это будет «репертичкой» моих поминок, на которых я уже не сумею побывать... Но я не хочу заканчивать повесть о своей жизни на грустной ноте. Я люблю свою жизнь. Наверное, самый большой интерес к своей повести проявляю я сама. Прочитывая её, я как будто смотрю цветной фильм о своей жизни. Я переживаю отчётливо всю свою жизнь заново, абсолютно попадая в те же пространства, я вижу те краски, ощущаю даже те запахи, не говоря уже о соответствующих настроениях. Поэтому я благодарна внуку Васе, за то, что он подвигнул меня на это мероприятие. Ну а, если мои первые книжки понравились ещё кому-нибудь, а такие читатели вроде-бы оказались, я этому очень рада. Ведь « Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся!»

Я в свои три книги: «Преодоление», «Возвращение» и «Продолжение» помещала картинки моего сына, Андрея Борисовича Булаха. Они не всегда привязаны к тексту, часто я и названия к ним придумать не могу, но все они проникнуты идеей, которую каждый разгадывает сам, в меру своих способностей. Словом, мне они нравятся. Некоторые из них, как например, «Петух» и «Крыса» посвящаются годам 12-годового цикла, восточного календаря. Некоторые, как например, «Павлины», я бы сказала «рассерженные супруги», или «Олени» (по моему, красивая семья), или хитрая кошка, обошедшая бедного, глупого сизого

голубя, ограбившая его, поцарапавшая его и... хвост трубой!, или весёлая «Шамаханская царица» - гротеск, посвящённый мне, или зайчик, ловящий рыбу в мутной Неве, зная, что он её никогда не поймает, или собака, сидящая на пне и раздумывающая, что ей делать дальше. Последняя картинка была подарена Васе в год его окончания университета. Дескать: «Ты уже много спилил деревьев, но не останавливайся на достигнутом, надо допилить, ты ещё только – бакалавр, надо учиться дальше!»

Наконец, обложка всех трёх книг- это моя судьба. Роза в колючей проволоке, с погнутом стеблем, переходящем в рельсы, проложенные на крови узников Гулага, к которым имел отношение мой отец и которому посвящена моя первая книга. Эта роза, хоть и погнута, но не согнута, она не завяла, она всё –таки, несмотря ни на что, готова распусться...

Идея – поместить картинки в свои книги - это идея – сохранить их на более длительный срок, хотя бы в своей семье, для которой, вообще, и написаны мои книги. Лично я считаю, что они (картины) гораздо веселее моего скромного труда.

Теперь, подводя итоги своей жизни, я скажу:

Несмотря ни на что, я была счастлива в своей длинной жизни.

Конечно, мне далеко не всё в жизни удалось, например, обстоятельства моей жизни не позволили мне последовать совету Ричарда Баха (Richard Bach):

«Find what it is you want most in the world to do – and then do it»

Ричард Бах – прапраправнук композитора Себастьяна Баха, наш современник, по специальности лётчик-испытатель написал философскую книжку, облетевшую мир: «Jonathan Livingston Seagall». Для Баха идеи, стоящие за словами героя повести, чайки Джонатана Ливингстона были просты: «Найди то, что ты больше всего в мире хочешь делать, и потом делай это».

Я была не самой самоотверженной женой, как некоторые из моих знакомых женщин, возможно, жизнь моего любимого мужа могла бы быть длиннее. Мне не удалось передать счастье бытия своему сыну. Но я старалась жить праведно, старалась заботиться о семье, конечно, и себя не забывая.

Но об одном «комплименте», полученным мною от большого моего друга, Татьяны Васильевны Кирилловой, в ответ на мои жалобы на свою судьбу по поводу многочисленных хирургических операций, проделанных надо мной (а их было в общей сложности штук 13!), она сказала: «Молчите, не ропщите, Татьяна Борисовна, Вам Бог многое дал, Вы составляете кусочек жизни каждого, кто окружает Вас». Если это – действительно так, то значит, не зря прожита жизнь. Но я ещё жива и не потеряла интереса к жизни. Я по-прежнему переживаю приливы счастья. Оно, счастье, в морской волне, которой отдаёшь себя (разумеется когда под ногами чувствуешь дно!) Оно, счастье, в осеннем лесу, когда пригоршнями ешь чернику, а уж когда находишь белый гриб, а рядом с ним ещё..., это уж невероятное счастье! Счастье – иметь друзей, горе их терять.

Наверное, самое большое горе в жизни – пережить собственных детей. Не дай мне Бог это испытать. Мой сын это испытал.

Горе иметь больных детей, горя вообще много на земле, поэтому надо радоваться каждому лучу солнца, каждому листочку и песчинке, пока Бог даёт тебе эту возможность.

СПАСИБО, ГОСПОДИ, ТЕБЕ ЗА ВСЁ.

Я и Вася

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 «И второй «Рубикон» позади...»	3
Глава 2 «Следующая страна была Голландия...»	15
Глава 3 «Зимой мы наконец списались с Пьереттой...»	25
Глава 4 «Шел 1992-ой год...»	37
Глава 5 «Итак, Володя, Катя и Вася в Голландии...»	49
Глава 6 «Вскоре мы с Антошей возвратились...»	61
Глава 7 «Следующие три года...»	75
Глава 8 «В Петербурге 2000-ый год...»	87
Глава 9 «2002-ой год знаменит...»	97
Эпилог	109

Булах-Извекова Татьяна Борисовна

ПРОДОЛЖЕНИЕ

НПО «Стратегия Будущего»

ISBN 979-5-903247-15-6

Подписано к печати 23.04.2009

Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».
Формат обрезной 145x205. Усл.печ.л.- 3,25. Уч.изд.л.- 3,375.
Тираж 100 экз. Заказ 33-09

Отпечатано в цифровой типографии НПО «Стратегия будущего»

Татьяна Борисовна Булах-Извекова

ВОСПОМИНАНИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

КНИГА 3

ПРОДОЛЖЕНИЕ

Санкт-Петербург
2009